

Остерия "Старый конь"

Дело второе

БРАВАТТА

Виталий ОСТАНИН

Остерия «Старый конь»

Виталий Останин

**Остерия «Старый конь».
Дело второе: Браватта**

«Виталий Останин»

2020

Останин В. С.

Остерия «Старый конь». Дело второе: Браватта / В. С. Останин — «Виталий Останин», 2020 — (Остерия «Старый конь»)

В столице герцогства Фрейвелинг – паника. Загадочный убийца, охотится на женщин и водит за нос стражу, не оставляя следов и улик. Добрые горожане трясутся от страха в своих домах и ругают власти. А у тех – другие проблемы – Герцогский Совет пытается принять решение о вступлении Фрейвелинга в Конфедерацию, но безрезультатно. Очередное заседание срывается из-за мятежа, поднятого одним из провинциальных дворян. Точнее даже не мятежа, а браватты, древнего дворянского обычая, значащего дословно «право на мятеж». Северяне готовятся к войне с Фрейвелингом, с Востока приезжают странные послы, шпионы говорят о древней магии... И во все это, как всегда, против своего желания замешан владелец остерии «Старый конь» Мерино Лик по прозвищу Праведник. Который всего-то и хотел, – издать кулинарную книгу.

© Останин В. С., 2020

© Виталий Останин, 2020

Содержание

Expositio[2]	5
Глава 1	11
Глава 2	24
Глава 3	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Виталий Останин

Остерия «Старый конь».

Дело второе: Браватта¹

Expositio²

Город Февер Фесте, столица Речной республики. Начало осени 783 года.

Небольшая комната – десяток шагов из края в край. Голые стены древнего, плохо обработанного серого с чёрными вкраплениями камня. Узкое окно-бойница, закрытое плотными ставнями, не пропускающими лучи света. Холодного дневного света приморского Февер Фесте. Бывшей столицы Империи. Сегодня – столицы Речной республики.

Комната предельно аскетично обставлена: простой деревянный стол точно по центру, несколько горящих свечей на нем, столь же непритязательные на вид стулья. В правой от входа стене камин, выталкивающий из огнедышащего нутра жаркую волну воздуха. На каминной полке единственный предмет декора – универсалистский³ символ веры: косой, размером с локоть мужчины крест⁴, ныне ничем не напоминающий скрещённые топор и посох ортодоксов.

И в этой простой и скучной, как монашеская келья, комнате собрались люди весьма непростые. На стульях вокруг стола, накрыв затянутыми в бархат, шелк и атлас задами деревянные сиденья, расположились гранд-нобилы Совета Речной республики. Не все, лишь четверо из полусотни, но самые что ни на есть влиятельные из них. Узкий внутренний круг, который определял все движения Совета и направлял их через своих агентов.

Во главе стола сидел мужчина лет пятидесяти. Морщинистый лоб привычно складывал рисунки недовольства и угрюмости. Широко расставленные глаза взирали на мир с усталостью все повидавшего человека, а крючковатый нос нависал над маленьким бледным ртом, словно клюв хищной птицы над жертвой. Он не носил бороды, начисто выбривая дряблую кожу. Звали старика Карл Крузо, барон фон Гериг, и был он восходящей звездой Совета гранд-нобилей Речной республики.

Сидящий по правую руку от него человек был моложе лет на десять, но выглядел гораздо хуже. Его любовь к еде и выпивке явно не была взаимной, жирное тело мужчины стул едва выдерживал, натужно поскрипывая при каждом движении. Лицо, так же без бороды и усов, походило на миску деревенского холодца: горошины-глазки, хрящи-бровки, мясистые кусочки губ и носа, и все это утоплено в обилии студня, трясущегося при каждом движении кожи. Барон Адельмо ди Пеллегрини.

Третий был похож на огородное пугало. Худой, нескладный, весь словно изломанный. Одежда темных тонов висела на нем, как на скелете. Узкое, вытянутое лицо, на котором цвели полные до нелепости губы. Барон Ги де Бран.

И четвертый. Точнее, четвертая. Она. Баронесса Катрин фон Красс, представитель в совете гранд-нобилей от города Оутембри. Если бы ей пришлось в голову описать себя, то звучало бы это примерно так: знатная пожилая дама, разменявшая пятый десяток. Не блиставшая красотой в молодости, а уж теперь и подавно. Поседевшие волосы собраны в простую, надо

---

² Экспозиция.

³ Универсализм – конфессия, ставшая господствующей в Империи Рэя в последние годы ее существования. Основное ее отличие от ортодоксальной доктрины, почитаемой, например, во Фрейвеллинге – прочих божеств, в которых верили населяющие Империю народы, приравнивали к творениям Единого, а их культы признали нееретическими.

⁴ Символ веры в истории религии Единого не имеет отсылки к кресту, а произошел от оружия пророков Донаты и Кипаги: топора и посоха.

сказать об этом служанке, довольно тугую косу. Тонкий нос, впалые щеки, сморщенные губы. Лицо уставшей от жизни и забот женщины. И яркие, горящие (ее единственное достоинство, о чем женщина прекрасно знала!) черные глаза.

В комнате было еще два человека, стоящих подле стены у двери. Недвижимые и безмолвные, их можно было не заметить сразу, благодаря слабой освещенности. Но не стража, те стояли за дверью. Среднего роста мужчина с бородатым лицом лесного разбойника – Мартин Скорцио, и миловидная брюнетка с фигурой подростка – виконтесса Беатрикс де Паола де Сильва. Первый – доверенное лицо Карла Крузо, вторая – ее.

«Это забавно! – подумала баронесса. – Шпион-простолудин служит главе Императорского домена в нашем союзе, а шпионка-дворянка – мне и Оутембри! У Единого отменное чувство юмора!»

Сидящие за столом разговаривали. Едва начали, если судить по долгим паузам между фразами. Так не доверяющие друг другу люди прощупывают собеседников, примеряют каждое произнесенное слово, оценивают его. Они ведь не были друзьями, собравшимися в одной комнате. Союзниками – да, но не друзьями. И доверия друг к другу, несмотря на долгое время совместной работы (а может, именно поэтому), никто не испытывали.

Беседа складывалась из привычных вопросов о состоянии дел в торговле, соотношении стоимости монет разных государств друг к другу, урожайности в районах...

«А ведь Карл забрал уже слишком много власти! – глядя на угрюмого нобиля, подумала баронесса. – Не самый знатный из аристократов Императорского домена, как он так быстро и, главное, незаметно, поднялся на самую вершину? Всегда прекрасно осведомленный, готовый к компромиссу... Я совершенно упустила это из виду! Еще год-два, и без его кивка Совет не утвердит ни одного решения! Не сменили ли мы одного императора на другого?»

...доходность морских перевозок, налоговая политика республики, таможенная политика ее соседей...

«Мы собрались здесь столь узким кругом и в обстановке такой секретности, чтобы обсудить то, что известно каждому нобилю?» – мысленно возмутилась Катрин фон Красс и даже собралась высказать эту мысль вслух, когда (хвала Единому!) начался разговор, ради которого четверо нобилей и сели за стол.

– Табран получил от Фрейвельинга кредит, – наконец перешел к делу барон фон Гериг. – Десять тысяч импералов. И на что, господа, вы думаете, табранцы потратят эти немалые средства?

– На армию, – откликнулась Катрин фон Красс безо всякого выражения. Ей стал понятен повод для встречи. Серьезный повод.

– На армию! – подтвердил Крузо, хотя это и не нуждалось в подтверждении. На что еще могла потратить деньги бывшая северная провинция Империи? Их воинственный, постоянно сражающийся с варварами-северянами сосед. – Три вновь образованных полка ландвера, вооруженных новенькими мушкетами! С колесцовыми замками! Десяток полков продолжает перевооружаться под формат войск нового строя прямо сейчас.

– Табранцы любят воевать, – подал голос Ги де Бран, разомкнув полные губы.

– И умеют, – дополнил барон ди Пеллегрини, колыхнув студень щек. – Правда, они были бедны, как мыши при монастыре, и не могли содержать серьезную армию.

– Ну а теперь могут! – Крузо подался вперед, раздвывая крылья носа. – Теперь их сил хватит не только на борьбу с варварами за Сольвейном⁵. Теперь они могут обратить свои взоры внутрь долины Рэя⁶. Например, на Товизирон, у них вражда чуть ли не с начала времен!

---

⁵ Сольвейн – река на севере Империи Рэя (теперь объединенного герцогства Табран), служащая естественной границей.

⁶ Долина Рэя или долина реки Рэя. Устойчивое обозначение территории Империи Рэя, хотя Империя уже давно разрослась за пределы долины.

– А зачем Фрейвелингу нести такие расходы на перевооружение армии Табрана? – спросила баронесса. Она знала ответ, но решила подыграть советнику, уж больно уверенно он вел свою партию. – Они же соседи! Фреи не боятся, что выкормят волка, который откусит им руку?

Барон фон Гериг тяжело вздохнул, словно его утомляла непонятливость собеседников. Баронесса ни на секунду не усомнилась, что ее маневр собеседник разглядел до его начала.

– Именно потому, что они соседи! Это же очевидно, Катрин! И у них хорошие отношения, которым в свое время не повредило даже низложение Патрика. И карательная экспедиция Иезикии Дорнато⁷ девять лет назад! Они не будут воевать друг с другом! Разве что Единый сойдет со своего небесного трона и прикажет им это сделать!

По мере того, как советник говорил, голос его возвышался. Казалось, он обретал плоть и хлестал находящихся в комнате подобно бичу палача.

– Это понятно, Карл... – примирительно прогудел Адельмо ди Пеллегрини.

– Так чего спрашивать, если понятно?! – рявкнул тот в ответ. Так естественно, словно и в самом деле разгневался на коллегу-нобиля. Хотя вопрос задал не он.

Некоторое время ди Пеллегрини и фон Гериг мерились тяжелыми взглядами, затем толстяк отвел глаза. И буркнул:

– И что ты предлагаешь?

Правильный вопрос опытного в интригах вельможи. Не «что дальше?», а именно «что ты предлагаешь?» С тем «что дальше» все предельно понятно.

Если объединенное герцогство Табран решит не тратить силы в бесконечной войне с северянами, а повернет свои новые полки внутрь бывшей Империи, это, конечно, еще не катастрофа. Плохо, безусловно, но не до такой степени, чтобы поднимать панику. Пострадает торговля, Товизирон (а именно по нему нанесут удар табранцы) взвывает, как умалишенный, требуя от союзника помощи, денег и войск. Но дальше войска табранцев не пройдут. Завязнут в мелких стычках и осадах городов. Да и не по силам им проглотить такой большой пирог, как Товизирон, разве что пообкусать, портя товарный вид. Но это если Табран будет действовать один.

А он будет не один! Есть еще Фрейвелинг! Опять этот проклятый Фрейвелинг, которому не сидится в его глухом углу! А с фреями⁸ у Речной республики довольно протяженная общая граница...

Эти мысли отпечатывались на лицах гранд-нобилей столь явственно, что говорить не было никакого смысла. Каждый из них прекрасно знал стороны внешней и внутренней политики, каждый содержал штат шпионов для того, чтобы получать все сведения первым. Говорить смысла не было, но можно было подбросить дополнительную информацию для размышлений. Что Карл Крузо и сделал.

– Они говорят о Конфедерации.

Воцарилась долгая недоверчивая тишина. Мрачно сгустились тени в углах комнаты, обреченно треснуло полено в камине.

– Значит, правда... – зло выдохнула баронесса фон Красс, перед которой после слов советника раскрылась глубина той пропасти, на краю которой они все оказались.

Слухи о том, что маркиз Фрейланг, регент фрейвелинградской грандукессы, собирается предложить бывшим имперским провинциям Конфедерацию, начали гулять по долине Рэя и за ее пределами едва ли не сразу после распада Империи. В некоторых пересказах все выглядело так, словно Фрейланг именно для того и инициировал развал Империи на последнем Магистерии, чтобы на ее фундаменте создать новую, но уже без вечно интригующего против всех Карфенака и бунтующей Лиги вольных городов. По сути – очень правдоподобно. А значит –

---

⁷ Дорнато – карфенакский военный, политик. Возглавлял карательную экспедицию императорской армии, когда дворянство Фрейвелинга подняло бунт, возмущенное низложением Патрика Фрейвелинга с императорского престола и последующую за этим тайную его казнь в карфенакском монастыре. Во Фрейвелинге данное событие именуют «битвой при Игусе».

⁸ Фреи – сокращенное название любого жителя или выходца из герцогства Фрейвелинг.

вероятно. Строго говоря, идея Конфедерации принадлежала еще Патрику Фрейвелингу, разочарованному в последние годы своего правления нежеланием имперской аристократии создать единое и сильное государство. У него не вышло, и теперь его боковая ветвь пытается довести дело до конца?

– Да, правда. Фрейвелинг, Табран, Тайлти, Димар, Ирианон и даже Арендаль. Пока робко, верить друг другу научились только фреи с табранцами, но дайте им время, и они договорятся! Как это будет выглядеть на карте, помните?

Последовали мрачные кивки. А Крузо продолжил:

– Мы окажемся в кольце. Речная республика и Товизирон. Снаружи останутся только Скафил и Карфенак. Но последним бояться нечего, они на Востоке так разжирили, что даже Конфедерация десять раз подумает, прежде чем бросать святошам вызов. Поэтому их цель – мы. Очередность особого значения не имеет: Товизирон ли первым начнут топтать, Скафил или нас. Важно то, что мы не выстоим. И до конца будущего года от наших государств останутся только названия. В книгах по истории.

Баронесса пристально взгляделась в лицо фон Герига, ища подтверждение тому, что услышала в его голосе. Этому его выводу о неизбежной войне. И Карл Крузо был по-настоящему обеспокоен описываемым положением дел. Но что ее насторожило? Вроде бы все слова барона были логичны и правильны, однако что-то в них беспокоило представительницу Оутембри. Какое-то упущение, ускользающая от внимания деталь, но какая?

Катрин фон Красс была купцом. Очень богатым и влиятельным купцом. Торговый дом Красс (теперь фон Красс) практически монополизировал все перевозки по реке Рэй, имел серьезные доли в предприятиях, торгующих тканями и зерном, а с недавних пор весьма успешно выступал и в колониальной торговле. Опыт в переговорах с поставщиками, партнерами, перепродавцами у баронессы был просто огромный, и фальшь в словах она чуяла, подобно охотничьей собаке. За что и получила прозвище Оутембрийская ведьма – ее невозможно было обмануть. Как сейчас пытался сделать Крузо.

Барон Ги де Бран вскинул голову.

– Но мы же можем договориться, Карл! Мы торговцы, мы всегда так делали! Зачем нам война, да еще такая, без надежды на победу?

– Они не станут нас слушать, Ги! – снисходительно усмехнулся советник. – Ты забыл, как фреи к нам относятся? Как называют?

– Лавочники, – глухо ответил барон де Бран, который купил свой титул год назад и до сих пор к нему не привык. По крайней мере, в компании с исконным имперским дворянством, он чувствовал себя неловко.

– Именно! Лавочники! Кто велел нам снести стены вокруг городов, сделав нас беззащитными? Кто обложил нас двойными против других провинций налогами! И кто, наконец, по их мнению, виноват в низложении их любимого Патрика? Да они скорее с Товизирином договорятся, хотя между ними тоже крови и споров немало, чем с презренными торгашами!

Баронесса Катрин фон Красс недовольно сморщилась. Ее коробили обобщения советника. Кто велел нам снести стены вокруг городов! Подумать только, каков наглец! Она и Ги де Бран, тогда еще без приставки «де», действительно были теми, кто сносил эти проклятые стены. По приказу проклятого императора Патрика, урожденного герцога проклятого Фрейвелинга! А вот Карл Крузо, барон фон Гериг и барон Адельмо ди Пеллегрино тогда были не гранд-нобиями Речной республики, а аристократами Императорского домена. То есть теми «верными», кто поддержал императора и рукоплескал его решению примерно наказать «обнаглевших сверх всякой меры лавочников за мятеж против трона».

«Да, теперь мы вместе, но старые претензии вовсе не так легко забыть! – подумала баронесса. – По чести сказать, так и невозможно!»

Голос одного из собеседников вернул ее к предмету обсуждения.

– Карл, не нагнетай! Словно на площади перед селянами выступаешь! – попросил барон ди Пеллегрини. – Не так уж все плохо. У фреев при власти Фрейланг, он не такой самодур, как вся эта сумасшедшая семейка. Про сентариев⁹ слышал? Они уже нормально относятся к честной торговле!

– Да только мы, Адельмо, по их мнению, торговлю ведем нечестно!

– Всегда можно договориться...

– Не с фреями!

Вот! Вот, что она упустила! Вернее, упустил фон Гериг, а они все послушно пошли в кильватере его умело составленных слов! Договориться! Фрейвелинг, при всей ее нелюбви к этому дворянскому дому, был до смешного помешан на всех этих рыцарских кодексах и правилах. Даже в войне, в которой, как известно, есть лишь одно правило – победа! И маркиз Фрейланг, что бы там про него ни говорили, не мог так легко отступить от этих правил! Точнее, он бы, может, и отступился, но сделать ему этого не дадут его же люди – все эти бароны и графы со своими покрытыми мхом столетий правилами и традициями.

Другими словами, если фреи собирают Конфедерацию, они должны были послать людей в Речную республику для прощупывания почвы. Не послов, скорее, эмиссаров с очень широкими полномочиями. С целью собрать информацию до того, как Фрейланг решит делать или не делать предложение Совету гранд-нобилей. Но таких людей не было, иначе она бы слышала об этом! Да, преисподние! Эти люди прежде всего пришли бы прощупывать именно ее!

Нет, это бы не прошло мимо! Хоть что-то, далекий отголосок слуха, но дошел бы! Не зря ведь разведка Оутембрийской Лиги – тьфу ты! Речной республики! – считалась одной из лучших на всем постимперском пространстве!

Или они были, эмиссары фреев? Были, но до нее не добрались. Кто-то им помешал... Это возможно. Очень, очень возможно! А если к этому прибавить воинственную риторику фон Герига...

«К чему ты нас подталкиваешь, Карл?» – хотела спросить баронесса, но сумела себя удержать. На этот вопрос Крузо ответит безо всяких понуканий.

– Единственное, что мы можем сделать, чтобы решить дело миром, – это не дать Конфедерации состояться!

«Или вступить в эту самую Конфедерацию. Не может же она быть хуже Империи? Но ты почему-то этого очень не хочешь!» – подумала Катрин фон Красс, практически убежденная в нечистой игре фон Герига.

– Как? – почти в один голос спросили ди Пеллегрини и де Бран. И тем поставили себя на сторону Карла Крузо.

Играть одним голосом против трех Катрин фон Красс не стала, слишком была для этого опытна. Вступать в бой, итогом которого будет неминуемое поражение? Ха! Однажды она это сделала, не поддержав вместе с прочими нобилями Лиги кандидатуру вновь избранного императора. И чем это кончилось?

Поэтому с некоторым опозданием, словно пребывая в раздумьях, она повторила вопрос мужчин:

– Как, Карл?

Тот довольно (победно!) улыбнулся и жестом подозвал от двери своего помощника.

– У моего человека есть план. Давайте выслушаем его.

– Давайте, – согласилась баронесса.

И твердо решила поручить Беатриз выяснить все, что только возможно, про последние дела и встречи Карла Крузо, барона фон Герига. И о тех играх, которые он затеял. Потому что прекрасно поняла, что истинные мотивы советник не озвучил. И не озвучит.

---

⁹ Так стали называть купцов, взявших в жены дворянскую дочь вместе с титулом. Дословно «забывший родство».

Коричневая папка

11 ноября 783 года от Пришествия Пророков

Считаю, что подобного рода сообщения нужно доставлять барону да Бронзино и кавалеру Торре прямо за завтраком. Согласитесь, совсем мышей не ловят! Уже четвертую женщину убил какой-то живодер!

«Женщина обнаружена патрулем городской стражи в районе, именуемом так же купеческим, на пересечении улиц Торговой и Большой. Как и в прошлых случаях, у жертвы полностью отсутствует живот, сама она обнажена. Вызванные на место обнаружения тела судебные инквизиторы опознали в убитой дочь кансильера морской торговли барона да Николь».

Глава 1

В которой синьор Лик хандрит, а синьора Тотти дает советы по теме, в которой совершенно не разбирается. Еще здесь говорится о современной медицине и новых возможностях, а также об ужасных убийствах.

От входа потянуло холодом, это гикот Белька неслышно, чуть-чуть отворив дверь, втек в остерию с улицы. Мерино сей факт отметил с легким неудовольствием и продолжил красиво расставлять на полках за барной стойкой бутылки с винами и настойками. Только вчера он забрал у печатника небольшой тираж картинок с названиями алкоголя. Весь вечер потратил на то, чтобы наклеить их на бутылки и теперь, с видом художника, завершал процесс. К гордости (законной, смею заметить, синьоры! В городе еще ни у кого такого не было!) примешивалась легкая обида на чурбана Белька, который, узнав стоимость этой красоты, емко обозвал гениальную идею друга «блажью». Но такая, очень легкая обида, не больше тучки, что на несколько мгновений закрывает солнце.

У неудовольствия, скользнувшего в душе владельца остерии, когда волна холодного воздуха от двери толкнула его в ноги, была другая причина. Точнее – другие причины.

Первая заключалась в четком осознании, что зима-таки пришла. Не то чтобы это была какая-то неожиданность, просто грустное осознания того, что ближайших теплых дней теперь придется ждать несколько месяцев. Три или четыре, в зависимости от планов Единого на этот счет. Теплый и веселый город Сольфик Хун превратится в промозглый, продуваемый холодными морскими ветрами, совершенно не гостеприимный каменный утес на краю моря, изрезанный ходами улиц и пещерами жилищ. Прекратится морская торговля и промысел, томящиеся от безделья моряки заполнят все таверны и кабаки города, доберутся даже и до его остерии. Бельку прибавится работы, а Мерино – головной боли и метаний между попытками соблюсти интересы остерии и клиентов. А может, и нет, остерия, как ни крути, стояла вдалеке от оживленных центральных улиц.

Зимой только и оставалось, что греть свои старые кости у огня очага. И это была вторая причина неудовольствия Мерино – осознание неотвратимо приближающейся старости.

Второй год с приходом холодов у него начинали ныть кости. Только ноги и поясница, но как же это выводило из себя привыкшего считать себя здоровым и сильным мужчиной! Недуги не липли к нему на стоянках в зимнем лесу, обходили в пути по раскисшей от дождей дороге, лихорадка не мучала его, выздоравливающего после очередной раны. Даже в борделях, где он, к слову, не был таким уж частым гостем, к нему ничего не прицепилось! А тут – поди ж ты! И лекарь Тирсон, неплохой вроде специалист, во многие дворянские семьи вхожий, своим диагнозом картину только усугублял.

«Мажьте этой мазью, дорогой мой Мерино! – говорил он, выставляя на стол склянку с темной жидкостью, пахнувшей как издохшая лошадь. – Будет полегче».

«Полегче, Титус? – негодовал тогда владелец остерии «Старый конь». – Но я не хочу «полегче»! Я хочу, чтобы вы это вылечили!»

«Мой дорогой друг! – отвечал ему эскулап. – Если бы это было возможно! Современная медицина, безусловно, достигла очень многого, взять хотя бы эксперименты магусов из келлиарской Академии. Настоящий прорыв в области ампутации конечностей и лечения ран, зараженных гниением! А искусственная механическая рука, которую, по слухам, поставили королю Тайлти Гетцу фон Вольфсбургу¹⁰? Доводилось ли нашим предкам слышать о таких чудесах?»

---

¹⁰ Подробнее об этом можно прочитать в рассказе «Рука герцога».

Мерино на эмоциях едва не высказал доктору то, что келиарские магусы не имеют ни малейшего отношения к протезу Гетца фон Вольфсбурга, и, более того, ничего механического в этой руке нет, но вовремя сумел себя остановить.

«К величайшему моему сожалению, – продолжал Тирсон, – еще множество тайн человеческого тела недоступно пониманию сегодняшних ученых. Увы, медицина в вашем случае бессильна – последствия бурной молодости и пренебрежения к своему здоровью не оставляют надежд на полное излечение. Лишь на облегчение болей!»

Бельк выразился короче: «Стареешь, Праведник!»

И дернул уголком рта в ухмылке. Друг, называется!

А Мерино неожиданно для себя захандрил. Пару лет назад он бы сам позубоскалил на тему старости вместе с другом, он вообще к этому процессу относился спокойно и созерцательно. Да, во многом это было чистой воды позерством – ну какая, прости Создатель, старость в неполные сорок лет? Это зрелость, расцвет сил. И мудрость, если от рождения Единый да родители наградили хоть какими-то мозгами.

Но теперь словно что-то изменилось. Пришло иное понимание времени: как быстро оно несется и как немного, в сущности, его осталось впереди. В лучшем случае столько же, сколько прожито, но это уже больше из разряда чудес. Скорее всего, вполовину меньше. И это в тот момент, когда он только во всем разобрался, научился мириться со своими и чужими недостатками! Да он только начал жить! Еще и Карла появилась... Эх!..

Трактирщик выровнял последнюю бутылку, прошел к входной двери остерии и оттуда оглядел получившую композицию.

«Хорошо вышло! – хмыкнул он. – А Бельк ничего не понимает!»

Трапезный зал остерии – помещение в два десятка шагов из края в край – был пуст. Приглушенно светили висевшие под потолком лампы, поблескивали чистые стекла окон, тяжелые деревянные столы и стулья отбрасывали тени на дощатый пол. На стенах, казалось, безо всякой системы были развешаны картины. С десятков, не меньше. Последнее увлечение владельца, решившего, что голые стены – это некрасиво. И теперь увлеченно скупавшего мазню местных художников. От натюрмортов до портретов.

Из-за двери в кухню тянуло запахом свежей сдобы, тушеным мясом и чем-то совершенно незнакомым. Фабио, носатый келиарец и главный (после Мерино, разумеется!) повар остерии, готовился к завтраку. Трактирщик решил, что стоит присоединиться к нему и заодно узнать об источнике незнакомого запаха. Он уже почти дошел до кухни, когда по ногам прошелся еще один порыв сквозняка, а дверной колокольчик сообщил о приходе гостя.

«Хозяйки!» – поправил себя Мерино, обернувшись. И усилием воли прогнал печальные мысли из головы. Пришедшей была синьора Тотти.

Карла.

– Как замечательно! – с порога воскликнула она. – Когда ты вчера рассказывал, я и представить не могла, что выйдет настолько красиво!

Реплика женщины относилась именно к нововведению Мерино, поэтому он подбоченился и горделиво оглядел ряды бутылок с аккуратными прямоугольниками раскрашенной вручную бумаги.

– Доброе утро, Карла! Мне тоже нравится. А этому варвару с островов – нет! – проговорил он, идя навстречу гостье и широко улыбаясь. На дистанции в полтора шага от нее он остановился, протянул вперед обе руки – и маленькие ладони женщины, замерзшие с улицы, скользнули в его. – Ты ходила на рынок?

Карла чуть опустила глаза в игривом смущении, кивнула на корзину, которую несла на сгибе локтя.

– На леднике почти кончилась рыба, купила пару хвостов... И яблок. Очень вдруг захотелось.

- Послала бы Гвидо.
- Хотела прогуляться.

После той сцены, что произошла между ними, когда Мерино увлеченно гонялся за похитителями чертежей нового судна, отношения немолодого мужчины и зрелой женщины развивались стремительно. Они словно хотели наверстать весь год, что провели, прячась друг от друга и от себя. Встречались практически ежедневно, гуляли, разговаривали. На исходе месяца таких встреч Карла собрала вещи и, сдав свой дом в аренду, переехала в остерию. Со свойственной ей прямоотой заявив, что женщина должна быть рядом со своим мужчиной.

Мерино, прямо скажем, до Карлы романов, по крайней мере, настолько серьезных, не заводил. Как-то не было в них необходимости, не хватало времени, желания или еще чего. Как сказано в Писаниях, находит ищущий. А он большую часть жизни если и искал, то вовсе не даму сердца. А потому сейчас, получив такой дар, не очень рассуждал о правильности или неправильности такого решения. Плевать ему было и на молву, и на слухи. Он просто с радостью согласился.

Тем же вечером, в день переезда, они заключили устный договор – быть друг с другом предельно честными. Во всех аспектах жизни. И пользуясь этим, Карла теперь практически каждый вечер вытягивала из мужчины всю правду о его прошлой и нынешней жизни. Которая, к его удивлению, ничуть ее не оттолкнула и не напугала. Более того (по всей вероятности, в крови этой рыжеволосой женщины была немалая толика авантюризма), привлекло ее к трактирщику еще больше. Настолько, что последние несколько вечеров основной темой их разговоров была политика в ее внешнем и внутреннем проявлении, шпионы, убийства и тайны. И пусть он с большим удовольствием поговорил бы с возлюбленной на иные темы, отказать ей в ее любопытстве он не мог.

Например, вчера одна из их бесед завершилась на очень странной ноте. Кабатчик рассказал ей о намерении отправиться к своему бывшему воспитаннику барону Бенедикту да Гора и предложить свои услуги в формировании службы политического сыска. Выступить таким консультантом. А то, мол, слабовато у его светлости с этим делом выходит. Карла покивала своей хорошенькой головкой, соглашаясь, но вслух выдала совсем иное:

– Не думаю, что это твое дело, Мерино.

– Это еще почему? – прищурился в улыбке тот. Его забавляла уверенность и безапелляционность Карлы в вопросах, о которых она услышала всего пару трид назад.

– Ты можешь быть сколько угодно хорошим специалистом и личным другом канцлиера коронного сыска, но ты простолюдин, – сказала женщина таким тоном, словно находилась на рынке и выбирала продукты. Вот этот, мол, пучок салата хорош, но края подсохли. Давно лежит?

Мужчина открыл было рот, чтобы опровергнуть слова Карлы, но не нашел подходящих доводов. Она была абсолютно права. Более того, в глубине души именно понимание этого и не давало ему до сих пор сходить к воспитаннику и, наконец, предложить помощь. Все его умения и навыки, опыт и связи работали только на его же уровне, а в мире аристократов (а таких немало и в ведомстве да Гора) были бесполезны. Ну как он сможет приказывать дворянам делать это, но не делать того? Ну, положим, приказывать-то он бы смог! Но как они будут это выполнять? Перешагнут через поколения благородных предков и вековой спеси и станут слушаться сына рыбака, по неведомой причине пользующегося расположением их шефа? Скорее скафилды станут выращивать цветы, забыв про морские набег! Нет, даже если Бенедикт на это и согласится, прикрывать его от гнева дворян не сможет.

Осознание этого, правоты Карлы и собственной наивности (ты решил, будто настолько хорош, что можешь давать советы дворянам?), наполнило Мерино весьма противоречивыми чувствами. Горечью от вынужденного признания своей ошибки и неумения самостоятельно прийти к этому выводу, и теплотой при мысли о том, сколь умная женщина ему досталась.

Не зная ничего о мире, в котором он считал себя знатоком, она одной фразой разрушила все планы своего избранника, чем, скорее всего, спасла его от большего разочарования.

– А что же тогда «мое дело», милая синьора? – усмехаясь, спросил он, пряча за вопросом и улыбкой некоторую растерянность. – Остерия? Медиаторство для преступников? Издание книги с кулинарными рецептами?

– Все это, совершенно верно! – выдала вдова, ничуть не смутившись. – Но я бы еще добавила к этому сыск. Довольно много, знаешь ли, простых людей, нуждаются в ком-то вроде тебя!

И, чуть склонив голову, стрельнула смеющимися зелеными глазами. Прием ею неоднократно опробованный и действенный – Мерино улыбнулся в ответ, пропустив большую часть женской реплики. А когда слова все же дошли до разума мужчины, он недоуменно сдвинул брови.

– Чего?

– Частный сыск! – произнесла Карла. И заторопилась: – Подожди отмахиваться! Это на самом деле очень хорошая идея! Просто ты даже не думал в этом направлении, слишком увлекаешься проблемами более высокого плана! Ты хороший сыщик и сам так считаешь, и я с этим согласна, хотя не понимаю и половины из того, что ты рассказывал. Но ты сосредоточен только на проблемах сильных мира сего, на заговорах правящих домов и столкновениях правительственных разведок. А если опуститься на землю?

– Карла... – начал было Мерино. Но его довольно грубо прервали.

– Дослушай хотя бы! Я могу озвучить твои аргументы и сама. Мелкие дела мелких людей! Булочник украл рецепт дрожжевого теста у конкурента с соседней улицы! Таинственное исчезновение вещей путешественника из комнаты на постоялом дворе!

Синьора Тотти настолько похоже воспроизвела снисходительную интонацию бывшего дознавателя, что тот невольно улыбнулся.

– Но есть ведь и другие дела! Такие, что ни городская стража, ни судебные инквизиторы не могут с ними справиться! Например...

– Ты же сейчас не про Лунного волка, милая? Это смешно!

– Что может быть смешного в трех убитых девушках?! – немедленно взвилась вдова, и Мерино успокаивающе поднял руки.

– Я выбрал неверное слово! Прости! Конечно, в этом нет ничего смешного. Я, скорее, имел в виду, что чисто криминальный характер преступлений – это совсем не мой профиль.

Женщина тем не менее выглядела обиженной, и Мерино подступил к ней ближе, положив руки на плечи. Заговорил тихо, успокаивающе:

– Карла, милая. Я ведь и в самом деле полный ноль в таких делах. У инквизиторов есть люди, и ты права, они мне сто очков вперед дадут...

– А у тебя полно осведомителей и связей в преступном мире! – Карла тоже сделала полшажка к нему.

– Но эти ужасные убийства совершает сумасшедший. Тут нет никакого мотива, кроме извращенного, засевшего в голове у этого зверя. Не за что даже зацепиться!

– Но ты ведь даже не пробовал, а уже отрицаешь!

Он привлек женщину к себе и выдохнул после долгого поцелуя.

– Демоны тебя забори, женщина! Ты и Единого убедишь, что еретики на самом деле просто пользовались неверным переводом священных текстов! Давай так: я подумаю. Без обещаний, но я честно и очень серьезно подумаю над твоими словами.

На том месте разговор закончился, и началась совсем другая история. Однако сегодня Карла, отдав должное обустройству бара, с упрямством настоящей женщины продолжила:

– Ты обдумал мою идею? – она расстегнула теплый зимний плащ с лисьим воротником, но пока не стала его снимать.

«Интересно, когда бы?!» – хотел было возмутиться синьор Лик. Но не стал. А стал подбирать слова, такие, чтобы ненароком не обидеть Карлу, но не успел.

Входная дверь снова хлопнула, звякнул колокольчик, и внутрь вошел Бельк. В коротком полушубке и шапке с меховой отделкой он смотрелся крупнее и даже как-то внушительнее.

– Дэниз прибежал? – спросил он первым делом.

– Доброе утро, варвар! – усмехнулся Мерино, радуясь приходу друга и возможности не отвечать Карле прямо сейчас. – Да, совсем недавно. На кухне греется. А вы чего вдруг порознь ходите?

– Да замерз котенок. На улице холодно. Вперед убежал.

Бельк считал своего питомца Дэниза, гикота, в холке достигающего полуметра и способного порвать горло здоровому мужику, котенком. Требующим постоянного внимания и заботы. Такой, например, как войлочные носочки с прорезями для когтей, которые скафилец сам сшил с наступлением холодов – димаутрианский гикот был все же зверем южным. И прежде всех прочих житейских вопросов Бельк старался решить те, что связаны с удобством четвероногого друга.

– Так, а чего вы тогда в такой холод гулять отправились? – удивился трактирщик. Он знал, как гикот плохо переносил сольфикхунские зимы с их промозглыми ветрами, начинающими дуть с ноября.

Бельк неопределенно пожал плечами. На языке жестов северянина это значило примерно «потом расскажу», сложенное с «не для лишних ушей». Мерино же, продолжая политику полной честности, оговоренную с Карлой, особым образом кашлянул, что в свою очередь означало «говори, все свои».

Скафилец коротко взглянул на Карлу, еще раз дернул плечом, твой, мол, выбор.

– Знакомец один отправил весточку. Четвертую девушку нашли. Ходил смотреть.

Трактирщик про себя помянул демонов, преисподние и свою несдержанность. Надо же, как своевременно! Аккурат под вопрос Карлы! А она сразу все поняла, вон глаза как округлились.

Внешне он никак не продемонстрировал раздражения. Склонил голову чуть набок, заинтересованно глядя на Белька, продолжай, мол.

– Да так же, как и прочих. Голая, живот будто зверем выгрызен.

Речь Белька состояла из коротких фраз, прекрасно подходя для подобного рода рассказов, за скучным перечислением деталей совершенное преступление не выглядело таким страшным. Хотя, вне всяких сомнений, таковым являлось.

Лунный волк (конечно, так его прозвали не сразу, а лишь после третьего убийства) стал хозяйничать в ночном Сольфик Хуне четыре дня назад. И почти сразу запугал горожан жестокостью и абсолютной бессмысленностью своих преступлений. Жертвами его были женщины разных сословий и возрастов. Первой убитой, например, стала шлюха. Рыжая Кармелла, знаменитая в доках дама. В портовых складах, между бухтами канатов и ящиками под рыбу, ее и нашли: полностью раздетой, лежащей на животе. Сперва решили, что кто-то из клиентов не пожелал платить, да и прирезал ее. Случается, в общем-то. Но когда перевернули, поняли, что версия по меньшей мере несостоятельна. У нее был вырван или, скорее, выгрызен весь живот. До самого хребта. И ни капли крови вокруг.

На первое убийство не отреагировали ни добрые горожане, ни городская стража. Ну убили портовую шлюху и убили! Эка невидаль! А тело, небось, псы бродячие изгрызли, коих в порту и доках развелось огромное количество. Пожалели Кармеллу разве что ее товарки по профессии, да и то вряд ли потратили на это слишком много времени и слез. Такая работа...

Второй убитой стала Рита Маттеи, восемнадцатилетняя красавица с огненно-рыжими волосами и веселым приветливым нравом. Как и ее предшественницу, Риту нашли обнаженной и с огромной кровавой раной на месте живота. Но не в доках, а неподалеку от родного дома.

Вот тут-то всему городу и стало известно о ее приветливом нраве, поскольку нанятые ее отцом, купцом Маттеи, люди обошли все таверны и кабаки Сольфик Хуна, суля нешуточную награду – двести золотых ори(!) – за любую информацию, которая сможет привести к убийце.

И никто, что примечательно, уже не грешил на бродячих собак из доков. Даже самому ленивому городскому стражнику стало понятно, что в городе завелся убийца-изувер, и надо ждать следующей жертвы.

По городу, из кабаков в лавки, а оттуда в гостиные и кухни, потекли слухи один другого противоречивее. Дескать, не просто так это все происходит, а дело рук колдунов (из тех, еще императором Патриком недобитых), которые так ребеночка не рождённого из утробы вырывают для колдовских темных дел! К обеду, однако, стало ясно, что беременной не могла быть ни шлюха Кармелла, ни девица Маттеи – и волна авторитетных суждений бросилась на новую версию: наказание за грехи.

Ну а что вы хотели, синьоры?! Портовый город с приходом зимы замирает и живет только слухами и пересказыванием историй. А версия с наказанием за грехи почти все и всегда объясняла!

Империя развалилась? Развалилась! Войны идут? Идут! Ну, или вот-вот начнутся! От Единого люди отвернулись? Как есть отвернулись, синьора! Да за одних только проклятых универсалистов Создатель был вправе уничтожить род людской! Ведь ересь-то неслыханная – языческих божков творениями Его объявить! А еще купцы цены задирают на специи и ткани, да дворяне бесчинствуют – только и слышно о гулянках их срамных! Конец времен, синьора, как ни поверни!

А на следующее утро, то есть вчера, прямо среди торговых рядов, неподалеку от храма Огненных скрижалей, нашли третью жертву – торговку с тех же рядов Анджелу Беллони. Женщину обнаружили в таком же непристойном и страшном виде. И слухи взлетели, как перепуганные птицы. Затмевая все остальные, на первый план вышел почему-то Лунный волк. Древняя детская страшилка. Никто толком не знал, что это за Волк такой (горожане вообще не склонны проводить мифологические исследования), и зачем ему убивать в городе женщин, но в детстве все слышали присказку: «Спи, не то Лунный волк придет и тебя за живот загрызет».

Редкие голоса разумных людей, со злым смехом указывающие на глупость подобной версии, моментально растворились в мутной волне страха и подступающей паники. «Волк – это!» – отвечали им, если попросту не отмахивались. «За грехи наши!» – иступлено били себя в грудь будто из-под земли выползшие фанатики и кликуши.

Добрых горожан можно было понять. Убийца, кем бы ни был, успешно демонстрировал их беззащитность.

Мерино, в отличие от большинства горожан, истоки происхождения страшилки о Лунном волке знал прекрасно. И совершенно не мог понять, как в сознании напуганных людей древняя северная легенда смогла увязаться с Губителем Единого (так убийцу тоже называли) и грехами, за которые творец карает своих чад. Для него было ясно, что орудует в городе не мифическое чудовище, а человек с большим разумом. Который либо возомнил себя Лунным волком, либо получал удовольствие, убивая женщин подобным образом, никак свои болезненные потребности не объясняя. А над пафосным прозвищем посмеивался. Более того, трактирщик был уверен, что убийца – человек неместный, иначе он бы проявил себя гораздо раньше.

Однако, понимая все это, помощь в поиске убийцы не предлагал по причинам, уже сказанным Карле, в таких преступлениях он был и вполтину не так хорош, как в раскрытии заговоров и понимании мотивов интриг. Нет, чисто теоретически, план расследования с перечнем необходимых мероприятий накидать было несложно... Что там, в конце концов, принципиально может отличаться от заговора? Мотивы другие, но так ведь в любом случае они есть!

Тело четвертой женщины, со слов Белька, нашли в глухом тупичке неподалеку от купеческого квартала. Перепуганные стражники организовали плотный кордон, никого к убитой

не пропуская и пытаясь, вероятно, таким маневром препятствовать распространению слухов. Однако Бельку, благодаря знакомствам, удалось пройти за оцепление и убедиться, что эта несчастная стала четвертой жертвой Лунного волка. В завершение рассказа северянин предположил, что самое большое через час город будет гудеть, как опрокинутое гнездо диких пчел.

– Да что же это делается?! – выдохнула Карла после рассказа вышибалы и прижала ладони к щекам. Вышло это у нее до того жалко и как-то по бабьи, что абсолютно не вязалось с обычным обликом умной и зрелой в мыслях женщины. Видя это, Мерино почувствовал зарождающийся в груди гнев на того, кто заставил его возлюбленную выглядеть столь неприглядно.

– Следствие инквизиторы ведут или стража? – спросил он у Белька.

– Пока непонятно. Но скорее всего судейские заберут.

Все верно. Стража отвечала за порядок на улицах и, судя по всему, не справлялась. А вот инквизиторы как раз занимаются преступлениями вроде этого.

– Мерино! – Карла сумела взять себя в руки, убрав с лица выражение беспомощности и страха. И хотя в глазах дрожали слезы, а голос предательски срывался, держалась она твердо. – Вот об этом я и говорила!

Бельк бросил на женщину вопросительный взгляд, спустя секунду переведя его на друга. Тот в ответ чуть скривился и пояснил:

– Карла считает, что я должен заняться частным сыском. Оставив заговоры и интриги сильным мира сего.

– Умная женщина, – кивнул скафилец. – Я про заговоры. Да и с волком этим тоже можно.

– Да вы что, сговорились, что ли? – возмутился трактирщик. – Как вы себе это представляете?

Карла открыла было рот, но Мерино вскинул обе ладони в останавливающим жесте.

– Стоп! Теперь послушайте меня! Если я не смогу вас убедить, то хотя бы объясню свое «упрямство»! Есть остерия – и это самое важное! Есть услуги, которые я оказываю пыльным и крайне редко нашему с тобой, Бельк, воспитаннику, господину барону Бенедикту да Гора! Услуги первым позволяют мне иметь некий вес в преступном мире, владеть информацией, а благодаря этому оберегать наш дом! Помощи Бенито, когда он просит, я просто не могу не оказать, поскольку (только не надо морщиться, Бельк!) считаю его практически своим сыном! Да и ты, сухарь северный, к нему так же относишься! Невозможно растить мальчишку, смотреть на то, как он становится мужчиной, и быть к этому равнодушным! Так вот, то, что я сказал, и частный сыск – это совсем не одно и то же, мои дорогие! Это означает, кроме всего прочего, вроде таких мелочей, как потеря большого количества времени, конфликт интересов! Сейчас я и наша остерия нейтральны. Я – медиатор, посредник, а не сыщик! И тем и ценен! Что станет с моим нейтралитетом, а как следствие, с остерией, если я возьмусь за расследование убийства? Даже не конкретно этого, а вообще, любого дела, и оно приведет меня к тем же пыльным?

Бельк молча кивнул, соглашаясь и, не говоря ни слова, отправился на кухню к своему «котенку». Для него предмет разговора был исчерпан. Пусть он и говорил периодически, что «со всей этой политикой надо завязывать», не признавать правоту друга не мог.

А вот для Карлы этого было недостаточно. Она смотрела на Мерино сурово, можно даже сказать, гневно. И от этого делалась еще красивее.

– Нельзя жить по принципу невмешательства! – тихо, но твердо сказала она. Сказала, как полковничья вдова, умевшая вести дом на небольшую пенсию офицера и при этом производить впечатление полного благополучия. Острая, как отточенный клинок. До поры убранный в ножны, украшенные дорогой и мягкой тканью.

– А я и не живу по нему, милая, – выговорившись на повышенных тонах, мужчина теперь говорил спокойнее. – Я вмешиваюсь. Помогаю. Но только тогда, когда меня просят.

– Так ведь я тебя прошу! Четыре женщины убиты, Мерино! В городе паника! С каждым днем все страшнее выходить на улицу! А ты можешь помочь, я знаю! Хотя бы тем, что умеешь – собрать информацию!

– Инквизиторы тоже этому прекрасно обучены. Мне, безусловно, приятна твоя в меня вера, но с чего ты взяла, что я лучше их?

– Конечно, ты лучше! – с абсолютной уверенностью любящей женщины взмахнула руками Карла. – Да и вряд ли инквизиторы имеют такие контакты с преступниками, как ты. А они, пыльники, знают всё, что происходит в городе, ты сам об этом говорил.

Мерино невесело усмехнулся.

– Не всё. Про Лунного волка они столь же не осведомлены, как и все в этом городе.

Женщина опасно прищурила глаза.

– То есть ты уже разговаривал с ними по этому вопросу?

Трактирщик развел руками со слегка виноватым видом.

– Ну, конечно, разговаривал. Только толку от тех разговоров... Пыльники в таком же замешательстве, что и остальные. Эти убийства мешают их делам и привлекают ненужное внимание стражи.

– А чего тогда отказывался? – не поняла Карла. – Я вчера его уговаривала, сегодня, а он молчит!

– А нечего было говорить. Поспрашивал только – и все. Было бы что – рассказал бы, поверь.

– Ну хорошо, – женщина сразу как-то успокоилась, словно добилась, пусть и неполной, но какой-никакой победы. – Но пообещай мне, что будешь следить за этими убийствами!

– Прозвучало жутковато! – невесело пошутил Мерино. Карла легко поцеловала его в щеку.

– Да уж! Ладно, я тогда пойду рыбу на ледник отнесу.

Маятниковая кухонная дверь качнулась, пропуская женщину внутрь. А спустя несколько мгновений качнулась уже в обратную сторону, на этот раз выпуская Бельку, жующего что-то с весьма довольным видом. Прыгая вокруг него, словно какая-нибудь собачка, рядом крутился Дэниз. Явно выпрашивая то, что северянин ел.

– Фабио там приготовил... – пояснил Бельк в ответ на вопросительный взгляд друга. Он, еще не до конца прожевав откушенный кусок и не будучи уверенным, что произнес все внятно, для наглядности продемонстрировал другу что-то завернутое в тонкую лепешку. – Вкусно!

– Да? И что же он приготовил? – спросил Мерино с разом проснувшимся интересом. Кулинария, как он считал, но мало кому об этом говорил, была его истинным призванием.

Фабио, в отношении себя придерживающийся того же мнения, постоянно стремился превзойти своего нанимателя, периодически выдавая то классические рецепты провинции Келлиар, то неизвестные гастрономические эксперименты.

Но обычно с утра повар-келлиарец стряпал что-то совершенно обыденное, что заказывают люди, зашедшие в остерию позавтракать и поделиться друг с другом новостями. Варил три-четыре вида каш, пек булочки, а по заказу жарил на сковороде яйца с тончайшими полосками мяса, зеленью и тертым сыром. То есть ничего такого, что могло привести в гастрономический восторг скафильца и заставить держась с достоинством аристократа гикота потеть оно.

– Я не запомнил, как он это назвал, – последнее слово Бельк проглотил вместе с очередным куском фаршированной лепешки. – Но очень вкусно!

Гикот подпрыгнул и сделал попытку вырвать остатки лепешки из рук северянина. Тот, явно ожидая этого маневра, ладонь убрал. Тонкие и острые, как иглы, клыки Дэниза щелкнули в паре сантиметров от вожденной добычи. Раздался утробный и очень недовольный рык хищного зверя.

«Значит, что-то с мясом!» – сделал вывод Мерино. Ради чего бы еще гикоту сходить с ума?

– Ты чего котенка дразнишь? – смеясь, спросил он. Дэниз, найдя союзника, тут же повернулся к трактирщику и жалобно мявкнул.

– Да там специй – нюх отобьет! Нельзя ему! Говорю ему, говорю – он как не слышит!

И Бельк пристально взглянул в глаза своему питомцу. Точнее, попытался это сделать. Но обиженный зверь с глухим урчанием, в котором слышалась обида на весь мир, а прежде всего, на друга-предателя и жадину, отвернулся.

– Видишь?

Мерино весьма заинтриговало, что такое Фабио добавил в мясо, что свел с ума и северянина, и его гикота. И он решительно пошел на кухню.

Не без оснований Мерино считал себя очень хорошим поваром. Которого довольно сложно удивить. Но носатому келлиарцу это удалось. Когда первый кусочек приготовленного им блюда оказался во рту, Мерино даже прикрыл от удовольствия глаза. Не торопясь, смакуя, прожевал тонкую лепешку, в которую был завернут нежнейший фарш, и попытался определить ингредиенты. Телятина, это очевидно. Еще томаты, базилик, чеснок (совсем немного!) и что-то еще. Именно этот неизвестный компонент делал обычную, в общем-то, торту новым и невероятно вкусным блюдом.

– Что там? – спросил он, проглотив этот гастрономический восторг.

Келлиарец лишь загадочно переглянулся с находящейся здесь же Карлой, но ничего не ответил.

– Вызов? – пробормотал Мерино и закинул в рот остатки. – Фтоф! Форофо!

Явно приправа. Специя. Трава, если угодно. Очень душистая, немного, совсем немного, напоминающая мяту, но, конечно же, не она. Вкус тоньше, гораздо тоньше, при этом куда более глубокий. И острый, вызывающий легкое, очень приятное жжение на языке. На какой-то миг Мерино растворился во вкусовых ощущениях, ловя за юркие хвостики ускользающие образы то одного, то другого растения, способного придать такой вкус фаршированной лепешке. Перебирая их, словно листая в голове свою еще не законченную книгу с кулинарными рецептами имперской кухни. И, к своему удивлению, не находя ничего подходящего.

– Я сдаюсь! – наконец сказал он невероятно довольному Фабио. – Что ты туда добавил?

Тот с видом победителя продемонстрировал ему невзрачный сухой стебелек, на котором чудом держались черные горошины сморщенных ягодок.

– Жыыл! – старательно проговорил он. И, видя полное недоумение трактирщика, пояснил. – Матросы «Аргуто» привезли с Оонмару¹¹. Ты же знаешь, у меня племянник там служит. Я его просил везти всякие душистые травы, которые он там найдет, вот он и привез. «Аргуто» несколько дней как с колонии вернулся, под самый конец навигации успели! Племянник мой, Жако, называет ее «кошачьей травкой», вернее, дикари с Оонмару так ее называют. А по-ихнему – жыыл!

Мерино выслушал рассказ Фабио, держа брови слегка приподнятыми. А когда тот закончил, проговорил с сомнением:

– Кошачья травка?

И покосился на гикота, чье поведение теперь стало объяснимым.

– Ну да! У них там в джунглях живут такие кошки, вдвое меньше гикотов, и вот они траву ту находят и в ней катаются. Потому так и называют! А что не так?

Трактирщик чуть покачал головой из стороны в сторону.

---

¹¹ Оонмару – большой остров в Южном океане. Колония Великого герцогства Фрейвельинг. Открыт семь лет назад. Населен аборигенами с очень невысоким уровнем развития.

– Да вроде ничего... Мясо с ней очень вкусным получается... Но... Она не ядовита для людей?

Вопрос был несправедливым. С тех пор как корабли Фрейвелинга стали привозить из дальних южных стран и недавно открытых колоний всякую экзотику, отравилось уже довольно много людей. Как тот случай с клубнями год назад – Мерино уже забыл, как они там назывались! Какой-то купец привез на пробу несколько мешков похожих на репу клубней. Владелец дорогой ресторации, из тех, в которых обедают исключительно состоятельные люди, предложил своим гостям новую экзотическую закуску, очистив клубни от кожуры и подав их к столу нарезанными тонкими ломтиками с оливковым маслом и соком лимона. Сырыми! Те трое дегустаторов-толстосумов, что после обеда едва не отправились на досрочную встречу с Единым, утверждали, что вкусно было невероятно!

– Да ты что, Мерино?! – нешуточно возмутился келлиарец. – Стал бы я вас ей кормить тогда? Матросы у дикарей специально все выспросили – можно ли ее в еду использовать и как. Жако говорил, что они всей командой ее пробовали, но только горошины эти, не саму траву. В маринад мясной добавляли, и никто даже животом потом не маялся! А я добавил совсем немного, три горошинки этих в фарш смолот!

– Хорошо-хорошо! Не обижайся! Но я же должен был спросить! Однако название у травки совсем неподходящее, согласишься! Представь, как это будет выглядеть в меню? «Утка, запеченная с кошачьей травкой!» Или с жылом, что даже похуже получается.

Фабио на секунду задумался и кивнул. Он бы сам поостерегся заказывать что-либо с таким сомнительным названием.

– Надо придумать что-то более благозвучное и экзотическое! – предложила Карла. – Если в городе эта травка еще не имеет хождения, то мы вполне можем стать законодателями.

– А много твой племянник привез? – уточнил Мерино у Фабио.

– Два мешка с меня весом. Я обещал, что мы выкупим... – добавил он с сомнением.

– Цену оговорили?

– Да как? К чему привязаться?

– Предлагаю по пятьдесят золотых ори за мешок.

– А это разумно? – вмешалась Карла. – Это же огромные деньги!

Мерино, чуть рисуясь, кивнул. Ему доставляли удовольствие восхищенно-недоверчивые взгляды Карлы, когда он спокойно расходовал за раз годовой пансион полковничьей вдовы. Которые она продолжала на него бросать даже после того, как он в подробностях рассказал об основном источнике своих доходов.

– Если мы с ним договоримся о поставках с каждого плавания на эксклюзивных условиях, то затраты покроем с хорошим наваром! – кивнул Мерино. – Просто чувствую – травка эта вызовет восторг не только у меня. А если угостить ею господина барона да Гора...

– Не стыдно на воспитаннике наживаться? – ухмыльнулся Бельк, наблюдавший за всплеском предпринимательской активности друга от дверей.

– А кто на нем наживается? Угостим, а там он сам разнесет! Осталось название придумать.

Спустя примерно час споров было решено назвать кошачью травку «пинканелла». Мерино даже придумал обоснование этому названию из сложения трех слов: пряный, жгучий и новый. Правда, логику использования этих слов в новом названии заморской пряности видел только он. Но возражать никто не стал – название удивительным образом ей подходило.

«В удивительное время мы живем! – с воодушевлением подумал Мерино в завершении разговора. – Состояние можно сделать, не рискуя жизнью и здоровьем, не верностью или подлостью, а лишь вложив деньги в какую-то пахучую траву!»

Правда, и Мерино старательно напоминал себе об этом аспекте коммерческой деятельности, и прогореть можно столь же легко. К примеру, торговые компании снимали с колони-

альной торговли доходы, порой доходящие до тысячи процентов. А иногда теряли все, да еще и в долгах оставались.

Как получилось с тем же Туманным караваном. Флот из пяти торговых судов и двух военных кораблей вышел из Наветренной бухты форта Лантана на Оонмару и попросту пропал. Вышел, как рассказывают очевидцы, в туман, густой, словно молоко в утренней чашке. Два года прошло, а моряки так и не нашли ни обломков кораблей, ни спасшихся матросов, ни даже слухов о том, что произошло с караваном в семь вымпелов. А ведь, по словам очевидцев, торговые суда были плотно загружены дарами острова: черепашими панцирями величиной с карету, драгоценным белым дубом, специями, диковинными животными и, конечно, золотом, ценным аборигенами Оонмару не больше, чем яблоки селянами.

Сколько тогда разорилось торговцев? Сотни! Два торговых судна принадлежало «Кампании южного моря» полукровки-иррианонца ал Аору, а остальные три были снаряжены и зафрахтованы в складчину дельцами не в пример мельче. И если для крупного судовладельца, которого еще часто называли морским князем, потеря двух кораблей была существенным, но не смертельным ударом, то для остальных наоборот.

Такой риск, по мнению владельца остерии, оправданным не был. Слишком легко приходившие барыши делали из приличных людей скотских нуворишей, жрущих в три горла и покупающих только те товары, которые стоили дороже других. А вот небольшие финансовые операции, вроде вывода на рынок новой специи, хоть и не сулили сказочные доходы, были тем не менее весьма выгодны и, главное, куда менее рискованны.

Фабио, оставив кухню на Карлу и Гвидо, унесся в порт заключать контракт с племянником, а Бельк, взяв Мерино за локоть, качнул головой к выходу из кухни. Явно намереваясь поговорить. Примерно понимая, о чем пойдет речь, Мерино прихватил с кухни еще парочку торт с пинканеллой и направился к кабинету.

– Ты серьезно про Бенито? – спросил северянин, закрыв за собой дверь.

Трактирщик кивнул. И рассказал другу о доводах Карлы. Внимательно все выслушав, Бельк кивнул.

– Справедливо. Только из-за этого?

Мерино вперил в северянина пристальный взгляд, сдвинул брови.

– Что ты имеешь в виду?

– Это не страх перед поражением? Кавальер ди Одатэре нас в прошлый раз здорово носом в дерьмо макнул.

– Ну и это, наверное, тоже, старина. Если смотреть на вещи честно, не настолько мы хороши.

– За себя говори.

– Ну ладно! – улыбнулся Мерино. – Я не настолько хорош. Что я в том деле с чертежами такого сделал?

– Все. Люди Бенито не сделали и половины.

– Они только в начале пути, Бельк! Все эти коронные сыски, судебная инквизиция – им же отроду столько же, сколько всему герцогству. Бенедикт людей собирает отовсюду, я не удивлюсь, если у них даже архива своего еще нет! Все на коленке и, согласись, в довольно жестких условиях! Трудно винить их в неопытности!

– А кто винит? Мы говорили, что стоит помочь. Научить. Не совершать нами сделанных ошибок. А сейчас ты – в сторону. Это неправильно.

Говоря эту довольно длинную для него речь, Бельк смотрел исподлобья, следя за реакцией друга. Тот вскинул руки.

– Ты пойми, я ведь не отказываюсь! Да, слова Карлы пробили серьезную брешь в моих доводах, а новых им на смену я еще не придумал. С бароном да Гора нам в любом случае нужно поговорить...

– Тебе поговорить.

– Ну да, мне! Но я не представляю, что и как ему сказать. С одной стороны, он наш воспитанник, которого мы гоняли до семи потов, а с другой – взрослый человек и, что важнее, государственный чиновник на высоком посту. Как он мои слова воспримет? Не сочтет ли за обиду? Не посчитает, что мы до сих пор видим его мальчишкой? Да и потом, Бельк, а мы ему нужны вообще?

– Сам как думаешь?

– Сам я уже не знаю, что думать... – вздохнул Мерино. – Все мозги... продумал!

– Тогда я тебе скажу. – Бельк сделал шаг вперед, нависая над сидящим другом, и проговорил нарочито раздельно: – Мы. Ему. Нужны.

– А зачем, каро мио? У него под рукой есть поумнее и помоложе нас. И их много!

– Затем, что опираться здесь, – Бельк обвел рукой помещение, но явно имея в виду весь мир, – можно только на своих. А таких всегда немного.

Мерино устало прикрыл глаза. Бельк в складывании слов, может, и не был силен, но зато умел смотреть в суть и бить в цель. Сумел, преисподние, снова поднять в нем сомнения! И прав во всем, отчего совсем не легче!

Бенедикту, скорее всего, их помощь нужна. Не может быть не нужна! Времена для Великого герцогства наступают такие, что каждой паре рук будешь рад! Вот-вот разразится война со Скафилом, и это уже настолько не тайна, что любой торговец с рынка с уверенностью назовет дату начала кампании. Это север. На востоке – Речная республика и королевство Товизирон, на юге – Келлиар. У каждого к Фрейвелингу счета потолще иных бухгалтерских книг. У всех свои шпионы, свои политические интересы и свое понимание правильного будущего. И за это будущее готовы бороться. Всеми методами. Любыми. А войны тайные, как метод, порой куда эффективнее, чем явные, со всей этой красивой и бряцающей железом кавалерией и пехотой.

Карле он сказал правду. Остерия – его дом. И люди в этом доме – его семья. И это для него самый главный, самый высокий приоритет. Но вот о чем он ей не сказал, так это о грызущем в последнее время понимании. Если он хочет все это сохранить, нужно бросать к демонам игры в нейтралитет и выбирать сторону. Даже не выбирать, что там выбирать, выбор давно сделан. Признать и бороться за то, что его.

Бельк не прерывал размышлений друга. Молчаливый, как камень, и столь же надежный, он просто ждал, когда Мерино сделает выбор. И когда тот был сделан, лишь пожал плечами в ответ.

– Значит, все-таки надо поговорить?

– Слова по твоей части, Праведник, – подвел северянин черту под разговором. – Ты что-нибудь придумал?

И, открыв дверь, двинулся к кухне, бросив через плечо:

– Там после тебя еще остались эти лепешки?

Мерино привычно подавил желание догнать друга и от всей души отвесить ему хорошего пинка. Эта его манера подвести разговор к тому, что он сам считает правильным, но свалить решение на другого, то есть на него, выводила из себя чрезмерно! Пожалуй, как-нибудь надо его стукнуть. Попробовать, по крайней мере! И плевать на последствия. Не убьет же он его, в самом-то деле?

Голубая папка

12 ноября 783 года от н.п.

Капо Пульо не смог вас застать, а сам умчался по какому-то важному делу. Еле уговорил его составить рапорт, как положено, а не малевать каракули на клочке бумаги, как он обычно делает.

Наши агенты в Речной республике не могут отыскать следов тайного посольства, отправленного маркизом Фрейлангом к баронессе фон Красс. Никаких. Известно, что они покинули Фрейвелинг и въехали на территорию речников. По вашему приказу был повторен их путь следования. Есть свидетельства того, что они добрались до Февер Фесте, в основном показания содержателей постоянных дворов. Дальнейшая их судьба неизвестна. Никто не выходил на связь с местной агентурой, равно как и не было встречи баронессы фон Красс с эмиссарами. Боюсь, они уже мертвы, шеф!

Глава 2

В которой читатель знакомится с судебным инквизитором Роберто Карелла и его напарником Ипием, имеющим несолидное для серьезного мужчины прозвище – Папочка. Также тут представлены дела рук убийцы и осложнения, с этими делами связанные.

Она лежала в узкой щели между домами. Так сказали городские стражники, нашедшие тело. Сначала они решили, что это шлюха. Район-то подходящий, на самой границе с Пыльником! Но, присмотревшись, заметили золотую серьгу в ухе. И, конечно, тут же бросились вытаскивать тело на улицу! Нарушив в процессе все формуляры, регламентирующие действия стражи при обнаружении на улице мертвеца. Формуляры, которые инквизиторы уже устали вдалбливать в пустые стражничьи головы!

Когда тело уже можно было рассмотреть, эти болваны обнаружили, что убитая не только полностью раздета, но и имеет все признаки насильственной смерти, нетипичной для убитой шлюхи. А именно, что у нее был буквально выгрызен живот. Стражники улицы топтали уже давно и мертвецов за годы насмотрелись, но тут обоих вытошнило, словно беременных девок от вида еды.

С жертвой Лунного Волка этим двоим пришлось столкнуться впервые.

Сам же Роберто Карелла стоял над трупом совершенно спокойно – точнее, мастерски делал вид, что вид зверски убитой женщины его совершенно не волнует. Привык, мол, знаете ли! Пятый случай, как-никак! Тут не захочешь – привыкнешь! Свои слегка дрожащие руки он при этом засунул за ремень, на котором висел уставной корд¹², не использовавшийся по назначению ни разу за все время службы. И с задумчивым видом покачивался с носка на пятку – не привычка, скорее, подражание старшим инквизиторам.

Другими словами, всеми силами демонстрировал окружающим, что на место преступления прибыл опытный следователь. И неважно, что с совершеннолетием этого следователя согласится только вербовщик, набирающий «добровольцев» в очередную пикинерскую баталью. Как неважно и то, что из пяти жертв Лунного волка ему довелось видеть только двух.

Внешность была бедой судебного инквизитора. В возрасте двадцати пяти лет он выглядел как сбежавший от родителей, мечтающий попасть в армию семнадцатилетний мальчишка. Слишком худой, слишком высокий, слишком нескладный. На лице росли не волосы, а маловнятный пушок, который приходилось начисто сбривать. Но и это не спасало – под этим пушком лицо было детским до полной невозможности: мягкие губы, плавные изгибы скул, тонкий, чуть вздернутый нос и огромные, обрамленные густыми ресницами глаза перепуганного олененка. Как воспринимать серьезно такого человека не знал и сам Роберто, с ненавистью глядя по утрам в маленькое зеркальце на стене снимаемой у доброй вдовы комнаты. Которая наверняка пустила его на постой исключительно из жалости!

Но даже с этим фактом, точнее, со своим внешним видом, смириться было можно. Однако принять отношение своих сослуживцев, этих кряжистых, бородатых, из-за любви к выпивке и жареному мясу выглядящих лет на десять старше своего возраста, инквизиторов было гораздо сложнее. Роберто был умнее их, он прочитал столько книг, сколько они даже не видели в своей жизни, он вообще был единственным судебным инквизитором, если уж на то пошло, который соответствовал своей должности! А они до сих пор обращались к нему не по имени или фамилии, а просто «эй, малец!» Кроме одного, который взял его своим напарником и старался (было видно, что он именно старался!) относиться к нему серьезно.

---

¹² Корд – однолезвийный прямой клинок общей длиной около 80 см., находящийся на вооружении у стрелковой пехоты и артиллерии ВГ Фрейвельинг с 771 года от п.п.

Осложнялось непростое положение Роберто еще и тем, что судебная инквизиция, созданная около полугода назад для расследования тяжких преступлений (по факту, всех тех, с которыми городская стража не могла справиться, а коронный сыск счел недостаточно серьезными), до сих пор не раскрыла ни одного сколько-нибудь значимого дела. В котором можно было бы проявить себя и избавиться от покровительственного отношения коллег!

Поэтому Роберто, как ни жаль бедных жертв Лунного волка (жестоким или черствым человеком он себя не считал), был безумно рад появлению в городе Сольфик Хун сумасшедшего убийцы. Это была та самая возможность, которую он долго и, казалось, безуспешно ждал!

Внимательно осматривая убитую, Роберто все же испытывал нервную дрожь, успешно, впрочем, скрываемую. Красивая женщина, даже после такой страшной смерти красивая. Густые темные волосы, бледное аристократическое лицо, тонкие и изящные руки, небольшая, но привлекательная грудь... Кем нужно быть, чтобы взять такую красоту и испохабить ее, превратить в забитую тушу на скотобойне?

«И ни капли крови вокруг, что характерно! – подумал он. – Так же, как и на месте обнаружения вчерашней жертвы. Невозможно же нанести такую рану, от грудины до паха, и не оставить ни капли крови! Значит, ее, как и дочку барона да Николь, убили и разделали не здесь. А здесь только выбросили тело!»

Как выглядели места преступления в первых трех случаях, Роберто не знал, делами занималась (если можно так сказать) городская стража. Парни в кирасах под тулупами и в шапках с красными околышами особо не мудрствовали, места преступления не осматривали, а просто торопились убрать страшные находки с улиц. К чему пугать добрых горожан, исправно платящих налоги?

Первую жертву Лунного волка, Рыжую Кармеллу, и вовсе похоронили в тот же день на городском кладбище в какой-то безымянной могиле. Вторую, Риту Маттеи, и третью, Анджелу Беллони, отдали родственникам для захоронения, и теперь даже думать нельзя было о том, чтобы выкопать тела и осмотреть их на предмет схожести нанесенных ран. Так что собирать улики и строить версии можно лишь на основании четвертого и пятого преступления изувера. Баронессы Дорины да Николь и вот этой пока еще безымянной женщины.

Гул человеческих голосов за спиной Роберто, основными тонами которого был мутный страх и черное любопытство, периодически разрывался окриками красноголовых, требующих не напирать и расходиться по домам. Привычный шум стал понемногу отступать на задний план, пока инквизитор погружался в свои мысли.

«Итак, ее привезли сюда в таком виде. Уже голую и выпотрошенную. Что это значит? Что убийца человек, а не какой-то мифический зверь, посланный Сольфик Хуну Единым в качестве наказания. И у этого человека есть телега и какая-никакая лошадь – не на горбу же он нес сюда убитую через ночной город! Арендованная? Взятая у знакомого? Или своя? Скорее своя! Убийца – человек хитрый и неглупый, зачем ему привлекать внимание, беря у кого-то телегу? А ну как на ней потом кровь останется? Объясняйся потом с хозяином! Нет, телега своя! Значит, есть и дом в городе хотя бы с небольшим двориком, где он эту телегу ставит. Не то чтобы след, в Сольфик Хуне таких домов три четверти, но все же!»

Роберто оторвал взгляд от мертвой женщины и огляделся по сторонам.

«Еще должно быть место, где убийца вершит свое кровавое дело. Не у себя же дома он это делает! Место должно быть безлюдным и тихим. И при этом не слишком удаленным, ведь чем дальше тело потом везти, тем выше риск попасться на глаза не в меру бдительным стражникам. Хотя о чем это я?! Бдительные стражники, ха! Да они с наступлением темноты только по освещенным улицам ходят, коих в городе, не сказать, чтобы много».

Роберто представил карту, мысленно наложил на нее места, где находили убитых женщин... Никакой системы! И доки, и купеческий квартал, и Пыльник, и торговые ряды. Будто

этот Лунный волк плевать хотел на осторожность и колесил на своей телеге по всему городу, никого не опасаясь! Демоны! Демоны!!! Ведь ни одной зацепки, одни домыслы!

– А я ее знаю! – раздался за его спиной голос.

Роберто приложил массу усилий, чтобы испуганно не подпрыгнуть. Увлеченный осмотром и не заметил, как подошел его коллега, старший инквизитор Ипий Торуго.

– Это госпожа Брунетто, не помню, как ее по имени, мамка из публичного дома на Пыльнике!

– И откуда же ты знаешь содержательницу публичного дома? – вполголоса пробормотал Роберто, радуясь тому, что внешне не проявляет волнения. Вопрос был, скорее, риторическим, но напарник его услышал. И ответил поучительным тоном:

– Это называется работа с агентурой. Ты в книжках своих не встречал такого понятия?

Замечание было произнесено до крайности ехидным тоном, но без желания задеть или принизить значение этих самых «книжек», как и сведений, в них содержащихся. Скорее, это была подначка, беззлобная и привычная.

Ипий Торуго по прозвищу Папочка (в последнее время его все чаще так и именовали – Папочка Ипий) был противоположностью своего молодого напарника: средних лет, приземистый и плотный. Если Роберто старался одеваться изысканно, в некотором подражании благородному сословию (что все равно не спасало его внешности), то старший коллега выглядел как мастерской из ремесленных рядов. Даже его лицо, круглое, с густой черной бородой, было лицом работника, редко принимая какое-то иное выражение, кроме вечной усталости. И при всем при этом выглядел он на порядок представительнее Роберто, спускавшего на одежду и книги почти все свое жалование!

– Шлюха, купеческая дочь, торговка с рынка, дворянка и мадам с Пыльника, – проговорил Ипий. – Тебе не кажется, что наш убийца пошел на второй круг? И следующей будет кто-то из купеческого сословия?

– Я вообще не вижу никакой системы! – зло бросил Роберто. – И чем дальше все это заходит, тем меньше я понимаю! Должна быть система! Должна! Тит Красный...

– Ох, только не начинай, Роберто!

– Тит Красный, – упрямо продолжил молодой инквизитор, игнорируя реплику напарника. – Изучал буйных сумасшедших во многих лечебных и монастырских приютах по всей бывшей империи. И вывел, что при кажущейся нелепости их действий в них имеется логика и система. Которая не видна с первого взгляда нормальному человеку, однако, если ее обнаружить, действия безумца становятся понятны и предсказуемы!

– Твой Тит Красный – книжный червь и теоретик! – устало возразил Ипий, тоном демонстрируя, что ему уже до крайности надоели разговоры на эту тему.

– Тит Красный – единственный исследователь, который смог собрать и систематизировать знания, которые различные следователи, дознаватели и инквизиторы считали своим жизненным опытом или лично разработанным методом поиска преступника! Его работы!..

– Хватит! – резким тоном, подобным тому, каким отец останавливает разыгравшегося ребенка, сказал Ипий. – Здесь не место для подобных споров! Святые пророки! Ты инквизитор или студиозус? Развел диспут на пустом месте, начитанностью свое кичишься! Попроще будь, Роберто! Мне известно, что ты умный, а ей уже все равно!

Тот вспыхнул, как девица, которой гвардеец сделал непристойное предложение, и опустил голову.

«Вот почему я не могу сам остановиться?! Вечно ставлю себя в глупое положение!»

– Расскажи, что уже успел узнать и сделать, – словно предыдущей фразы и всего этого спора о Тите Красном не было, проговорил старший инквизитор. – Чтобы мне не дублировать твои распоряжения красноголовым.

Роберто кивнул и сжато поведал напарнику о своих приказах (довольно стандартных: оцепление места преступления, опрос соседей, поиск следов) и умозаключениях.

– Телега? Хм! Может быть! А может быть, не телега, а? Может, карета?

– Карета? – молодой инквизитор округлил глаза. Тут же одернул себя – такое проявление удивления делало его лицо еще более детским и глупым, чем обычно. – Ты хочешь сказать, что убийца – аристократ?!

– Почему нет? Карета закрыта, внутрь стражники заглядывать не станут, если совсем из ума не выжили. И потом, именно у благородного сословия, и гораздо чаще, чем у других, появляется интерес к таким забавам. Ну, ты понимаешь, браки между близкой родней, вырождение и так далее.

– Это... – Роберто задумался на секунду, кивнул. – Очень возможно...

– Вот и я говорю! Как версия – вполне себе! Но чтобы ее нормально проработать, нам нужно поговорить с начальством.

На этой фразе Ипий помрачнел. Роберто знал, что с кансильером судебной инквизиции Джованни Торре отношения у того были весьма сложные. С одной стороны, старика (кансильеру уже было хорошо за шестьдесят) Ипий уважал как профессионала, сумевшего из разнородного людского материала построить вполне работоспособную структуру всего за несколько месяцев. А ведь многие считали, что невозможно заставить работать вместе, именно как команду, бывших дознавателей городской стражи, кондотьеров, бретеров и аристократов, пусть и низкородных или младших сыновей.

Ну а с другой стороны, кансильер Торре, к слову сказать, опоясанный рыцарь, произведенный в титул из низкого сословия, был человеком едким, как негашёная известь, и злопамятным, словно старая дева. И имел в дополнение ко всему вышеперечисленному характер и манеры армейского сержанта, хотя и покончил с армейской службой в звании капитана. Ипия он невзлюбил сразу же за манеру брать под опеку молодых инквизиторов. И наградил прозвищем «Папочка», прилипшим быстро и намертво. Что, разумеется, любви со стороны старшего инквизитора ему не прибавило.

Роберто же кансильера просто боялся. Но понимал, что без разговора и, соответственно, разрешения с его стороны, браться за изучение «дворянского следа» не стоит.

Ипий покивал каким-то своим мыслям и довольно улыбнулся. Вероятно, ему пришло в голову, что Торре придётся ужом под каблуком крутиться, если он даст разрешение на допросы благородного сословия. Все эти обиды аристократов, вся эта оскорбленная честь! И все на его седую голову!

Мелочная бытовая месть, а душу старшему инквизитору согрела, несмотря на холод в городе и неважное начало дня в виде очередной жертвы Лунного волка.

– Ладно! – сказал он, приободрившись. – Давай здесь со всем заканчивать, а потом ты с телом на ледник – вскрытие проводить и отчет писать, а я к начальству.

Роберто посмотрел на своего старшего товарища тоскливым взглядом, но вслух ничего не сказал.

* * *

Спустя час, стоя перед столом кансильера судебной инквизиции, Ипий Торуго уже не радовался, что его голову посетила идея с каретой. Вернее, идея-то была отличной, но...

– То есть ты считаешь, что этим Лунным волком, палаш ему в глотку, может быть кто-то из дворян?

Скрипучий, но все еще громкий и хорошо поставленный командирский голос Джованни Торре дрожи у Ипия не вызывал – не мальчик! Но все же заставлял довольно критически рассматривать свою версию и, что особенно неприятно, находить в ней дыры размером с кулак.

– Да, супремо¹³.

– А может, и не быть, верно?

– Да, супремо.

– И опираясь на эту блестящую догадку, сынок, ты хочешь, чтобы я дал добро на допрос дворян?

«Какой я тебе, к демонам, сынок?!»

– Нет, супремо.

– А чего же ты хочешь, Торуго?

– Разрешения проработать этот след, супремо. Просто выяснить – может такое быть или нет.

– И как ты намерен это сделать?

– Ну, для начала я опрошу ночную смену стражи. Узнаю, не видел ли кто из них карету неподалеку от места преступления.

– А если кто-то видел карету?

Старик сидел за столом, нахохлившийся, как старая птица. Плечи его были укутаны двумя или тремя пледами, но он, судя по всему, все равно мерз – замок Иверино, в котором располагалось ведомство, вообще был местом холодным, а уж приморской зимой особенно. Морщинистое лицо кансильера судебной инквизиции было обращено к Ипию, на нем застыло выражение доброжелательного внимания. Что инквизитора совершенно не обманывало. Он знал, что облик доброго дедушки не более чем маскировка хищника, скрадывающего жертву.

– Буду выяснять, кому эта карета принадлежит.

Ипий прекрасно видел, что своими вопросами Торре просто подводит его к нужному ответу, но уйти с этой тореной дороги не мог. Хоть бы она и вела в ловушку.

– А когда узнаешь?

«Проклятый старик!»

– Вероятно, мне нужно будет поговорить с тем, кому она принадлежит, супремо.

– Тогда почему, сынок, палаш тебе в глотку, ты мне врешь?! И говоришь, что не просишь у меня разрешения на допрос дворян?! – голос кансильера взлетел ввысь, но в конце фразы сорвался на довольно позорный скрип. Годы брали свое, и рык рейтарского капитана уже не был так грозен, как прежде. При определенном воображении можно представить, как раньше сей грубый глас заставлял стоящих навтыжку солдат гнутья назад.

– Потому что это может и не понадобится, супремо. – стараясь следить за голосом и тщательно подбирая слова, ответил Ипий. – Эта догадка может и не подтвердиться.

Джованни Торре склонил голову чуть набок, продолжая разглядывать стоящего перед ним инквизитора, отчего сходство со старой птицей только усилилось. Долгое время он делал это молча, и Ипий даже решил, что старик просто заснул с открытыми глазами (поговаривали, что военные могут откалывать фокусы и похлеще), однако тот наконец раскрыл рот и изрек:

– Знаешь, Торуго. Ты ведь мне нравишься...

«О нет, только не это! – мысленно простонал Ипий. – После этих слов всегда следует какое-то дерьмо!»

Опытный инквизитор не ошибся.

– Ты хороший следователь и дело свое делаешь добросовестно и усердно. И даже мои придирки по поводу опеки над юнцами – это лишь брюзжание старика, не более того.

«Но?»

– Но! – Торре выпростал из-под пледа руку и воздел к потолку сухой палец. – С чего ты решил, сынок, что тебе, простому инквизитору, можно вот так запросто допросить представителя благородного сословия? Подозревая его в причастности к этим убийствам?

---

¹³ Супремо – буквально, – превосходный! Аналог русского «ваше превосходительство».

По этому поводу – благородного сословия и соответствующего к нему отношения – у канцильера судебной инквизиции имелся пунктик. Происходящий, вероятно, от того факта, что сам инквизитор, пусть и самым краем, к оному сословию принадлежал. И как всякий неофит, а кавалер Джованни Торре появился на свет чуть меньше года назад, сменив на этом посту командира рейтарского эскадрона, он с пылом, отсутствующим зачастую даже у танского дворянства, оберегал границы сословных норм.

В другое время Ипий, возможно, и не стал бы лезть в бутылку и устраивать дебаты со своим начальством. Но теперь, когда с каждым днем город все глубже погружался в панику, когда на стражу и инквизиторов (которых горожане не отделяли от первых) смотрели то с ненавистью, то с надеждой, он решил отбросить в сторону привычную модель поведения. Возражать, меж тем, начал мягко.

– Со всем уважением, супремо, в городе орудует убийца. На его счету уже пять трупов. Горожане в панике. И мы уже вызываем злость, потому что не можем защитить их от Волка! Истинного виновника страшных преступлений они сами не могут покарать, но скоро виноватыми станем именно мы! Или, что гораздо хуже, супремо, они начнут назначать виноватых без особого разбора и следствия! И будут прямо на улицах забивать камнями и палками! Потому что им страшно, а напуганные люди становятся самыми опасными зверьми, что есть в мире! И в этих обстоятельствах, супремо, мне совершеннейшим образом насрать – кого я буду допрашивать, чтобы найти выродка, который потрошит женщин! Пусть это будет хоть маркиз Фрейланг, хоть сама грандукесса!

Распалившись во время произнесения речи, он лишь в самом конце сообразил, что уже в голос орет на начальника. И, запоздало испугавшись собственной смелости, закончил:

– Со всем уважением, супремо Торре.

Старик смотрел на него, казалось, равнодушно. Только в глубине темных глаз понемногу разгорались искорки, грозящие превратиться в пожар начальственного гнева. Затем он неожиданно раскашлялся, и Ипий только пару секунд спустя понял, что Джованни Торре смеется.

– А у тебя все в порядке с яйцами, сынок! – закончив кашлять, проскрипел канцильер. – Я уж думал, палаш мне в глотку, так и будешь сносить все, что я на тебя вываливаю! А это бы меня разочаровало.

– Супремо? – Ипий несколько смутился от такой неожиданной реакции начальства.

– Заканчивай меня титуловать через каждые три слова, Торуго! Меня уже начинает подташнивать от этого твоего «супремо», а в моем возрасте это опасно. Тем более тон, которым ты произносишь это слово, говорит не о том, что ты лижешь мне зад, а вовсе даже об обратном! – Торре сделал небольшую паузу, набирая воздуха. – И ты три тысячи раз прав! Если наш Лунный волк хотел срать на разницу в сословиях, вскрывая животы и мешчанам, и дворянам, с какой стати нам действовать иначе? Мое разрешение ты получил, документ, это подтверждающий, получишь через час в канцелярии. А теперь, сынок, иди работай. И желательно быстро! Потому как, несмотря на внезапно появившееся к тебе уважение, разозлил ты меня, палаш тебе в глотку, ой как сильно!

Ипий кивнул и, все еще пребывая в замешательстве, направился к двери. Прощальное пожелание кавалера Джованни Торре прилетело ему в спину:

– И найди этого выродка, Торуго! Даже если у него род от пророков ведется! И если что-то узнаешь – сразу ко мне!

Остановившись в одном из замковых коридоров, Ипий прислонился спиной к стене, обдумывая дальнейшие действия. Не то чтобы идеи толпились, как просители в приемной окружного судьи...

Нужно найти стражников, которые ходили в ночные смены, опросить их. Сделать это будет непросто, учитывая «теплые» чувства, испытываемые их начальником, бароном да Бронзино, к инквизиции. Хотя если тот ничего не узнает, то не будет и переживать, верно?

Затем вернуться в приемную и забрать разрешение, подписанное Торре. Ипий не обманывал себя в этом вопросе. Сама по себе бумага мало что давала, но лучше иметь ее, чем не иметь.

Ну а потом спуститься в замковое подземелье и узнать, что там удалось выведать Роберто на вскрытии. В последнее, а именно в успешность этого мероприятия верилось с трудом, но Единый, как известно, тот еще шутник.

Разговор с супремо оставил странное чувство. Ипия не покидало ощущение, что кавалер Торре был даже доволен проявленной подчиненным инициативой. С чего бы?

«А с того, идиот, что на нашего старика давят благородные! – хмыкнул инквизитор. – С того, что на зверства Лунного волка они не обращали внимания, пока тот не распотрошил аристократку! А ты, старый дурак, фактически предложил себя ответственным за расследование! И в случае неудачи дедушка Торре, расплатится с дворянами твоей головой!»

Ипий Торуго встряхнулся, изгоняя неприятные мысли, и, отлепившись от холодной стены, направился в караулку.

* * *

– Ипий! Старый ты греховодник! Какими судьбами занесло в нашу дыру?

Инквизитор сдержанно улыбнулся шагнувшему навстречу здоровяку-стражнику. Не дотягивающий пару ладоней до потолка караулки гигант протянул руку.

– Дела-дела! – отвечая на пожатие, сказал Торуго. – По ваши стражничьи души пришел.

– Так я мзду уже смены три не брал! – гоготнул здоровяк и отступил в сторону. – Проходи, раз пришел.

Каменный сарай, стоящий неподалеку от воротной башни замка и называющийся караулкой, был тем местом, куда Ипий предпочитал заглядывать как можно реже. Нет, стражники относились к нему дружески, не забыв толкового и справедливого дознавателя с тех еще времен, когда все преступления находились в ведении городской стражи, а не судебной инквизиции. Но именно здесь была высока вероятность встретить начальника стражи барона да Бронзино. Чего инквизитор с момента перехода из-под его руки в ведомство супремо Торре старался избегать.

Не то чтобы с бароном у Ипия были какие-то сложные взаимоотношения. Не было даже личной неприязни, если уж совсем честно говорить. Просто да Бронзино плохо перенес вывод из своей власти всех следователей и дознавателей и винил в этом не маркиза Фрейланга, данное решение принявшего, а своих бывших подчиненных. Которые, как он считал, его предали.

Казалось бы, дворянин в первом поколении, а отношение к людям как у настоящего тана!

Караулка была полна людьми, их гомоном и их запахами. Чем пахнут стражники, вернувшиеся с патрулирования улиц или только собирающиеся на него заступать? Не розами, синьоры, не розами! Кто-то перематывал портянки, готовясь к смене, кто-то неторопливо ел кашу, кто-то отдыхал, лежа на грубо сколоченных топчанах. Большая же часть людей разбилась на группы и о чем-то друг с другом разговаривали.

Некоторые из стражников, заметив, а точнее, услышав, появление своего бывшего коллеги, поворачивались в его сторону, махали рукой, приветствовали, шутили. Ипию оставалось только отвечать и ждать, когда галдеж по случаю его появления смолкнет.

– Есть пара вопросов, Хоба, – сказал он здоровяку, когда внимание к нему немного поутихло. – Пойдем в уголок, присядем.

Собеседник инквизитора кивнул и прошествовал за ним к пустой лавке у стены. Уселся рядом и легонько пихнул Ипия в плечо.

– Сто лет тебя не видел уже, старик!

– Моя служба в том же замке, что и твоя, – усмехнулся Ипий.

– Ну так это ты над бумагами сидишь! Я все больше улицы сапогами полирую.

– Я уже забыл, когда зад просиживал, Хоба. Ношусь по городу, как собака бездомная. Со стороны глянуть – стражник стражником, разве что жалование повыше.

– Лунный волк? – с пониманием спросил гигант. Для своих габаритов он был весьма сообразителен. Нет, не так! Он вообще был очень сообразительным парнем. Настолько, что, по мнению Ипия, делать ему в страже было совершенно нечего. Но здоровяк был наполовину орьяком, что не давало ему возможность сделать карьеру где-то за пределами функций «ловить и хватать». Оставалась, конечно, еще армия, там бы такого могучего воина приняли с распростертыми объятиями, но туда идти не хотел сам полукровка.

– Уже в курсе?

– Про пятую? Ага. Парни с ночной вернулись, рассказали. Ужас! Вот ведь скотина! Поймать бы да руки вырвать живому!

Ипий внутренне содрогнулся, представив эту картину. Инквизитор не был слишком впечатлительным, просто отлично знал, что произнесенная угроза гиганта не была фигурой речи. У него бы хватило и сил, и твердости поступить так, как сказал.

– Вот про это я и хотел спросить, Хоба. Старшие в ночных сменах не поменялись? Кто в ночь последнюю триду ходит? По тем районам, где женщин находили.

Здоровяк сморщил лоб, соображая.

– Ну по Пыльнику – сам понимаешь...

– Понимаю! – ухмыльнулся Ипий. Постоянного патруля по всей Пыльной улице не было. Туда только облавами ходили, да и то, если пыльники совсем беспредельничать начинали. – А в доках?

– В доках Дукс со своими ходит. Знаешь его?

– Да. Толковый мужик.

– Ну так! Уже лет пять тот район топчет! Он, правда, уже домой ушел. Дальше, по торговым рядам Уго Плешивый. Его земля. Тоже, кстати, сменился и утопал. А вот купеческий квартал и Университет – Альдо Рам.

– Этого не знаю...

– Новенький! Недавно в должность вступил. Молодой парень, но неглупый. На рожон не лезет, понимание имеет. Вон он, кстати.

Хоба указал кивком на пару стражников, увлеченно болтающих у стойки с оружием.

– Который?

– Тот, что помоложе.

– Ясно. А почему Рам? – прозвища в мужских сообществах, будь то армия или стража города, давали метко и по делу. Ипий чуть усмехнулся, вспомнив собственное. – Взятки берет?

– А он к тебе боком стоит, не видать отсюда. Рожа у него с левой стороны обожжена. Жуткое зрелище, особенно с непривычки. Вот за это: у рама две стороны.

– Понятно. Сейчас с ним поговорю. – Инквизитор поднялся. – Спасибо за помощь, друг мой!

Здоровяк улыбнулся.

– Обращайся! Кстати, у вас там места не появилось?

Хоба очень хотел пойти на повышение и стать инквизитором. И Ипий надеялся, что когда-нибудь ему это удастся.

– Пока нет. Но если облажаемся с убийцей, появится.

– Ох! Так я бы не хотел! Удачи, дружище!

– И тебе.

При ближайшем рассмотрении нужного ему стражника вопросы относительно происхождения его прозвища отпали сразу. Никак иначе, кроме как «Рам», в среде стражников его назвать не могли. Правая сторона лица принадлежала молодому человеку с воспитанием и

образованием, а может, даже и с какой-то породой – уж больно четко очерчены были скулы, подбородок и нос, а вот левая – демону. Корка вскипевшей и застывшей неровно кожи бугрилась рубцами, какими-то шишками и наростами. Посреди этого давнего извержения вулкана светился умом зеленый глаз.

Вообще-то, глаз этих у стражника Альдо было два. И оба зеленые. Но поражал отчего-то только левый. Вероятно, оттого, что на обезображенной стороне лица его не должно было быть.

– Инквизитор Торуго, – представился Ипий, налюбовавшись на ночного патрульного.

– Альдо Улисо. Или Альдо Рам, если удобнее, – без тени насмешки или вызова ответил стражник.

«Парень с характером!» – подумал Ипий. И вкратце рассказал о своем интересе.

Некоторое время Альдо молчал. Судя по задумчивому взгляду, вспоминал подробности ночного дежурства под завершение которого обнаружил жертву убийцы. Затем ответил:

– Нет, ни кареты, ни телеги я в ту ночь не видел.

«Мимо! – с разочарованием подумал Торуго. – Ну, может, Уго или Дукс...»

– Но слышал.

– Что?

– Это вряд ли то, что вам нужно, инквизитор. Я слышал, как на Большой в ту ночь проезжала карета. Курьерская.

– Если не видел, то с чего решил, что это именно курьерская? – удивился Ипий.

– С того, что она через ночь там проходит. Большая же напрямую от Восточных ворот идет и прямо к замку. Курьеры почту возят. Носятся, идиоты! По звуку – точно курьерская.

– Хм... Ну ладно! А больше ничего не видел, не слышал в ту ночь?

– Странного ничего. Спокойная смена... была, пока девку не нашли. И знаете, что я думаю, инквизитор?

– Да?

– Криков-то мы ее не слышали, девчонки-то. Такую смерть она страшную приняла – и тишина. А ночью, сами же знаете, как сильно любой звук разносится. Не на моем районе ее убили. Мертвую уже притащили и бросили.

Торуго кивнул: и парню, подтверждающему его догадку, и себе. Осталось выяснить, как убийца доставляет мертвое тело туда, где его обнаруживает стража.

– Спасибо, Альдо.

– Да вроде не за что. Если что услышу или узнаю – как вас найти?

– Хобе скажи – он найдет.

Попрощавшись со стражником, Ипий пошел обратно в приемную супремо. По времени выходило, что его секретарь уже подготовил нужную инквизитору бумагу. А оттуда уже стоило идти к Роберто в подвал – знакомиться с результатами вскрытия тела жертвы. Беседу со старшими ночных патрулей Ипий решил перенести на потом – пусть стражники хоть немного отоспятся.

* * *

Работать с мертвецами Ипий не любил, оттого и спихнул это на молодого напарника. Однако все намеченные дела инквизитор уже сделал, и даже документ у зануды-секретаря забрал. Так что пришлось спускаться в замковое подземелье, где дальше крыло было оборудовано под ледник и прозекторскую. И с неудовольствием обнаружить, что Роберто еще даже не начал заниматься тем, что он ему поручил. Точнее, делом еще не начал заниматься студиозус, нанятый инквизицией для этой цели. Видимо, тело жертвы доставляли сюда слишком долго, а потом еще и прозектора по кабакам искали...

Кивнув обоим сразу, Ипий демонстративно встал у стены, показывая, что вмешиваться не намерен, и приготовился к ожиданию. С годами, а ему уже перевалило за сорок лет, двадцать из которых он провел на службе, инквизитор стал тяготиться обществом мертвых. Подозревая, что обострившаяся это чувствительность напрямую связана с возрастом и более четким, нежели в молодости, пониманием бренности и приходящести всего сущего.

Он с неохотой, хоть и без отвращения, смотрел на скованные вечным холодом тела, на лица с застывшими навсегда гримасами страха и боли. В такие моменты инквизитор представлял лежащих на леднике живыми. Веселыми, грустными, отвратительными, грязными, но живыми. И наполнялся тяжелыми мыслями. Понимая, что однажды, рано или поздно, так же, как и они сейчас, будет лежать на глыбе льда, растопырив скрюченные пальцы Ипий Торуго по прозвищу Папочка. А некий инквизитор с задумчивым или отстраненным видом будет стоять над ним, пытаясь выяснить, что послужило поводом для его смерти. Не причиной, потому что с причиной, скорее всего, будет понятно: нож, петля, яд, дубина, камень, рвота. А именно поводом. Как вот с этими телами, что сейчас лежали на льду вдоль заиненных стен.

Что привело к тому, что старый рыбак с руками грубыми и шершавыми, как борта его баркаса, получил в живот двадцать сантиметров заточенного железа? Драка в порту после пьянки? Нежелание расставаться с последними грошами, когда их не очень вежливо попросила отдать портовая шпана? Участие в контрабандной сделке, где ему сразу уготовили роль молчащего мертвеца?

Какой повод отправил на лед писаря из кансилии городских рынков – толстяка с перерезанным острым клинком горлом? Нежелание войти в положение при распределении мест на рынке? Жадность при сборе пошлины? Или завистливость молодого коллеги, уставшего ждать повышения и метящего на его место?

Почему Лунный Волк выбрал своей очередной жертвой именно Лучану Брунетто (он все-таки вспомнил как ее звали!) или днем раньше Дорину да Николь? Случайность? Внешнее сходство? Общая тайна (да-да, чушь, конечно же!) Что?

Хозяйка публичного дома лежала на леднике в той же позе, в которой ее и обнаружили сегодня: руки вдоль тела, ноги целомудренно сведены вместе, плечи расправлены, спутанные волосы закрывают левую часть лица. На нем нет посмертной маски ужаса, словно женщина и в тот момент сохраняла спокойствие. Если не смотреть на отсутствующий живот: от грудины до паха, так можно решить, что она просто спит.

Ипий долго стоял над ней, глядя на лицо и старательно отводя глаза от страшной раны, пока молчание не начало тяготить. Тогда перевел взгляд на напарника и спросил:

– Мы ждем какого-то сигнала или знамения?

Роберто мгновенно смутился и резко бросил прозектору:

– Давай начинать!

Тот, совсем юный медикус, кивнул и, бубня под нос веселый мотивчик, склонился над растерзанным животом госпожи Брунетты с кривым ножом и щипцами вроде каминных в руках.

– Что-то конкретное ищем, синьор инквизитор? – вопрос он адресовал Кареллу как своему нанимателю.

– Не знаю, Лелио. Просто ищем что-то странное и необычное.

Студиозус хихикнул:

– Эт у девки-то без пуза? Странное?

– Ищи, а не зубоскаль! – резче, чем хотел, бросил от стены Ипий. Медикус удивленно глянул на дознавателя, не понимая причин для такой отповеди, но отвечать не стал. Понимал, что может выйти боком. Просто кивнул и занялся делом.

Медикусы за место при мертвяцкой инквизиции бились, как не всякие дворяне за должность при дворе грандукессы. А то как же, считай, единственное место, где можно изучать тела

мертвых без угрозы обвинения в запрещенной серой магии! Плату получали скромную, а некоторые и сами были готовы приплатить инквизиторам за то, чтобы для работы выбрали именно их. Другими словами, за место держались всеми конечностями. Ведь если не сложатся отношения с кем из инквизиторов, то на улице студенческой братии гораздо больше, чем нужно! А где тогда брать материал для научных изысканий? В прозекторской университета, где очередь на вскрытие до второго явления пророков? А это ведь практика! Тело мертвого изучают, чтобы потом живых лечить. Кто из медиков не желал бы стать известным доктором да брать по золотому ори за прием? Потому со следователями (как бы они ни именовались в каждый конкретный этап развития государства), особенно с такими старожилками, как Ипий, студиозусы старались наладить отношения дружеские и понапрасну не злить.

– И все-таки, синьор инквизитор? Следы беременности, болезни или что?

– А она что, беременная была? – спросил Роберто удивленно.

«Это стало бы хоть каким-то объяснением!» – подумал Ипий.

Тело Дорины да Николь было первой жертвой Лунного Волка, удостоенной посмертного изучения. У нее никаких признаков беременности не обнаружили, но ведь могли просто не найти! Вчерашний прозектор (всего их было трое, приглашаемых на работу по очереди) был новеньким, взятым на замену изгнанному за пьянки предшественнику. Мог и пропустить. А Леллио месяца четыре трудится, поопытнее, да и веры ему больше. Может, и правда, беременная? Это был бы не просто след – мотив!

Прозектор поковырял что-то в глубине раны кривым ножом и ответил сразу обоим:

– Не. Но раньше, скорее всего, рожала. Были бы потроха, точнее бы мог сказать, но тут...

Однако по тазовым костям, которые претерпели существенные...

– Лелио, работай молча! – одернул его Роберто, которому явно стало тошно. Студиозус лишь пожал плечами.

– Как скажете!

Полностью молча у медикуса не получалось. Он что-то бурчал, хмыкал, насвистывал и напевал, словно тяготился тишиной ледника. А может, и правда тяготился? И вот так, за непрерывным шумом, страх свой прятал?

– О! Смотрите-ка, синьор инквизитор! Коготь!

Щипцы поплыли к лицу Роберто. Тот инстинктивно отстранился от зажатого меж двумя железными прутьями куска красного льда.

– А, да! Так не видно совсем! Сейчас, – по-своему понял реакцию медикус.

Он прижал находку к поверхности стола и аккуратно обстучал его плоскостью ножа. Тогда напарники и увидели темно-коричневый коготь размером с указательный палец взрослого мужчины.

– Чей? – спросил Роберто у прозектора. Ипий мысленно поблагодарил напарника за то, что не ему пришлось задавать этот вопрос. Стыдно, но в зверях он, горожанин до мозга костей, совершенно не разбирался. – Волчий?

– Это же какого размера волк должен быть, синьор инквизитор! – хохотнул Леллио. – Да и я по людям больше! Но для волчьего крупноват все же. Медвежий, может?

– Медвежий?

«Дело Лунного волка переименовано в дело Лунного Медведя! Новая версия судебной инквизиции! – язвительно подумал Ипий. – Единый, защити, неужто и правда зверь! Как такое возможно?!»

– Ну, не поручусь, но похоже.

– Еще что?

– Да ничего! Чисто все, выскребли, как для бальзамирования! Я в Карфенаке такое видел пару лет назад – трупы, чтоб хранились дольше, от внутренних органов освобождают, маслами и смолами потом...

– Хватит! Я понял, – представившего процесс бальзамирования Роберто слегка замутило. Ипий снисходительно усмехнулся: вот уж когда развитое воображение не помощь, а проклятье!

– Похоже, конечно, но не то, – студент словно не слышал и продолжал рассуждать: – Там и грудину рассекают, легкие и сердце тоже достают, а тут они на месте.

– Я уже понял! По женщине можешь сказать, чем вырезали?

– Я бы сказал, вырвали, синьор инквизитор. Рукам. Ну, или лапами. Вон, на внутренних стенках следы остались. Я по борозде пошел как раз на коготь и наткнулся! – прозектор на секунду замолчал, затем сопоставил одно с другим и испуганно выдохнул: – Так, выходит, правда все, что люди на улицах говорят?

– Ты про что, Леллио? – Роберто при всей своей негрозной внешности сумел как-то так посмотреть на студиозуса, что тот смутился.

– Ну... что Лунный волк...

– Ты же образованный человек, Леллио Тертсо! – с таким искренним возмущением проговорил Карелла, что медикус натурально покраснел. – Я понимаю, темный люд всякую чушь несет, но ты ведь учишься медицине!

– Так ведь... следы...

– А тебе не пришло в голову, что у убийцы есть ручной зверь, который эти следы и оставил?

Ипий удивленно взглянул на напарника. Ручной зверь? Он это серьезно? Но ведь это вполне возможно...

– И правда! – студиозус сразу же просветлел лицом, а разум его встал на твердую почву рационального мышления. – Но зверюга огромная!

– Циркачи и бродячие артисты, бывает, медведей дрессируют... – подал голос Ипий, которого слова напарника натолкнули на одну мысль.

Теперь уже удивление появилось на лицах Роберто и Леллио. Причем у инквизитора оно почти сразу же сменилось пониманием.

– И фургоны у них крытые! – моментально подхватил он мысль старшего товарища.

– А фургон тут при чем? – опешил прозектор, потеряв нить разговора.

Инквизиторы в унисон шикнули на него и начали быстро перебрасываться бессмысленными для него фразами:

– Циркачей только на въезде и выезде проверяют...

– А по городу они катаются совершенно свободно...

– В тех фургонах можно кого угодно спрятать...

– И ночуют на пустырях...

– Цельный лагерь разбирают...

– У стражи узнать, сколько трупов в город въезжало...

– Они там все на голову скорбные...

– Коготь надо, чтобы охотники посмотрели...

– Я отнесу нашему супремо, он может знать, мужик опытный...

– Если я не нужен, можно мне еще с телом поработать?

Инквизиторы опять синхронно повернулись к прозектору. Посмотрели на него сперва с недоумением, а потом с подозрением.

– Зачем? – спросил его Ипий, не вполне вынырнувший из обдумывания новой версии.

– Ну как! Сердце гляну, легкие. Мне для работы...

Роберто махнул рукой.

– Работай! Только мне полный отчет об осмотре и вскрытии напиши и делай что хочешь! Только смотри мне, потом все собери обратно!

– Обижаете, синьор инквизитор!

Но его уже не слушали. Следователи увидели зацепку и стали походить на рвущихся с цепи охотничьих псов. Гончих.

– Я к барону да Бронзино, узнаю у него про циркачей! – Роберто сказал это уже на выходе из ледника.

– Я к начальству с когтем! – даже не думая возмущаться такому самовольству, ответил Ипий. – Потом еще заскочу в гости к парочке стражников.

Тут старшего инквизитора посетила еще одна мысль.

– Через два часа встречаемся на Ольховой улице.

Роберто прикрыл глаза и кивнул.

– Да, понял, где это. Зачем?

– Там есть трактирчик такой, на вывеске коняга намалевана. Обсудим все. Заодно и с человеком одним посоветуемся. Возможно, он сможет нам помочь, мужик головастый.

К несчастью, старика-супремо Ипию в кабинете застать не удалось. Секретарь лишь сообщил, что кавалер Торре почувствовал себя дурно и отправился домой отдыхать. Подчеркнув, что беспокоить его можно только в случае самой крайней необходимости. Например, если вызовет маркиз Фрейланг или великая герцогиня.

Необходимость опознания звериного когтя явно не относилась в понимании супремо к делам важным и неотложным. Поэтому инквизитор в коротком внутреннем диалоге с собой согласился, что старшие ночной стражи уже достаточно выспались. И отправился опрашивать их. Ну в самом деле, если уж решать, кого будить днем: их или кавалера Торре, – выбор был явно не в пользу простых стражников!

Голубая папка

13 ноября 783 года от н.п.

Письмо доставлено торговым судном «Велоче» из Торуга. Награда капитану корабля в размере двадцати золотых выплачена.

«Ваша милость, граф да Вэнни начал браватту. Вывесил на своем замке флаги с двумя сломанными копьями. Его дружина блокировала тракт на Торуг, а егеря и сокольничие бьют голубей, отправляемых из города. Поэтому письмо удалось отправить только с оказией, капитан торгового судна «Велоче» Рафаэль Понди согласился доставить его в Сольфик Хун, хотя и планировал идти к Закатным островам. Магистрату неизвестна причина, по которой граф да Вэнни решил пойти на мятеж против трона. Однако сам граф поставил городские власти в известность о своем поступке и настоятельно рекомендовал воздержаться от отправки в ближайшее время торговых караванов через перевал, который находится под контролем его замка. Гонца, которого магистрат отправил в столицу с извещением о данном беззаконии, граф приказал повесить!»

Глава 3

В которой довольно много говорится о том, как именно строился город, но при этом остается время и для встреч с иноземцами, ранее в этих краях не виданными. Здесь же, наконец, происходит долго откладываемая беседа и подтверждается поговорка об «одежке».

Мерино вышел на улицу. Встал в двух шагах от входа, укоренившись ногами в землю, глубоко вдохнул морозный воздух и отпустил мысли гулять.

В глухом их Ольховом переулке неспешно текла привычная жизнь. Соседи чистили снег возле домов. Некоторые, завидев трактирщика, выпрямлялись и приветствовали. Подкрадывался к голубю серо-черный котяра. Его шерсть свалаялась в неопрятные колтуны, а сам кот выглядел так, будто глупая птица, клюющая сейчас замерзшую горбушку хлеба, была его последней надеждой. Сверкали копейными наконечниками сосульки, свисающие с крыш. С конца проулка, из дома Джованни Пекаря, пахло свежеиспеченными булками с тмином.

Мерино смотрел на все это, подмечал детали, отвечал на приветствия кивком или взмахом руки, улыбался соседкам, выглядывающим из окна, но делал это, не задумываясь, как отработанный за несколько лет ритуал. Настроиться на созерцание не получалось, мысли упрямо возвращались к разговорам с Карлой и Бельком. В голове бывшего дознавателя крутились фразы, аргументы, доводы и контрдоводы, и это его раздражало. Хотелось решения, а его не было.

Что делать с их с Бельком идеей помощи Бенито? Напроситься на встречу с бароном, вывалить ему все мысли, что табунами галопируют в голове, и посмотреть на реакцию? Или выстроить диалог, точнее, использовать проговоренную несколько раз про себя и один раз с Бельком в виде собеседника заготовку? Или признать-таки, что Карла права, и он лезет не в свое дело? Не по рангу дознавателю несуществующей Тайной стражи?

И что делать с Карлой и ее просьбой? А ведь делать что-то нужно, женщины вообще, а его, в частности, не лучшим образом относятся к мужчинам, которые не в состоянии принять решения. Ох, демоны всех четырех преисподних! Ну все же так хорошо было! Зачем вот эти сложности? И зачем сейчас? Он же собирался, наконец, собрать волю в кулак и закончить работу над книгой! Первой кулинарной книгой с рецептами распавшейся Империи! И вот тебе!

Мерино тряхнул головой, прогоняя уныние, и решил немного пройтись. Раз уж привычное окружение не приносило желаемого результата, нужно сменить обстановку. Может быть, новые образы и люди смогут избавить голову от тумана сомнений и сделают мысли четче?

Он быстро заглянул в остерию, сообщил, что пойдет прогуляться, накинул подбитый мехом джуббоне и, прихватив с собой трость – скользко! – отправился к центру.

Сольфик Хун строился от побережья, обрастая домами и улочками вокруг стоящего в устье притока реки Рэй замка Инверино. Как и каждое поселение, которое рождалось из военного лагеря, а затем превращалось в обиталище множества совершенно не военных людей, город не имел четкого плана застройки, разрастаясь так, как нужно было в конкретный отрезок времени. Позже, когда из крепости с посадами Инверино превратился в Сольфик Хун, когда обзавелся вторым кольцом крепостных стен, а разбогатевшие на торговле жители создали городской совет, рост его стал менее хаотичным и даже некоторым образом упорядочился. От второй стены к третьей улицы были ровными, как полет стрелы. Всегда можно было понять, где кончается одна и начинается другая. Да и дома строились только в соответствии с нормами по высоте и ширине фасадов. От третьего кольца стен посады все еще придерживались заданного плана, но не всегда. Где-то этому мешал рельеф местности, где-то желание хозяина нового дома или имения подкреплялось обильным подношением кому-нибудь из членов совета, в общем, от третьего кольца стен хаос возвращался в свои права.

Хотя до путаницы Старого города, который тянулся от стен Инверино до второго кольца фортификаций, ему еще было далеко. Шагая по узким и тесным улочкам, своими изгибами напоминающим причудливый бег лесной речушки, Мерино пытался вспомнить одну вещь. Сколько раз городской совет ставил перед герцогским вопросом о частичном сносе и перестройке старинных кварталов? Три? Четыре? Никак не меньше! И это только на его памяти! Ответ владельца города всегда был одним и тем же – нет. Никаких аргументов и доводов. Просто отказ без объяснения причин. Это до крайности злило магистратских, с тоской поглядывающих на другие города герцогства и тех провинций, в которых не герцог или барон, а именно совет богатых и влиятельных горожан определял, как и что делать.

А Мерино Старый город любил. И уважал решение прежних герцогов и нынешней грандукессы¹⁴ ничего в нем не менять. Ему нравилось блуждать по тесным закоулкам, каждый раз открывая для себя что-то новое, подчас совершенно неожиданное. Однажды, например, он обнаружил между переулками Жестянщиков (где, к слову, уже давно не было ни одного представителя этой профессии) и Водоносов, лавку, в которой среди прочего продавался голубой перец аж из Сатторменаха. Товар был не только редким, но и, мягко говоря, весьма дорогим. А кроме того, не каждый повар мог грамотно использовать эту пряность – в силу ядовитости оной при нарушении дозировки.

Сейчас же Мерино ничего не искал, просто гулял и скользил глазами по вывескам, снующим туда торговцам и разносчикам, и старательно не думал над мучившими его вопросами. В какой-то момент трактирщик зацепился взглядом за странную деталь, явно чуждую в окружении глухих каменных стен и сомкнувшихся боками домов.

Десяток странного вида мужчин, неуверенно глядящих по сторонам, стояли прямо посреди улицы. Спешащие по своим делам обитатели района огибали их, бросая раздраженные взгляды, но никто не спешил остановиться и узнать – какого демона они создали здесь затор.

Мужчины были ярко, крикливо, как-то по-женски одеты. Высокие, можно даже сказать, настоящие гиганты – рост самого высокого превышал два метра. Но не это привлекло внимание Мерино – здоровяков ему доводилось видеть и раньше. У незнакомцев была серая кожа. То есть натурально серая кожа, будто обсыпанная тонким слоем вулканической пыли.

Сбившись с прогулочного шага, трактирщик остановился и принялся беззастенчиво рассматривать иноземцев. В глаза сразу бросилось обилие деталей: желтые радужки глаз, крупные черты лиц, забранные в клубок на макушке волосы черного и серого цветов, тонкие и не по-мужски изящные кисти рук, выглядывающие из широких, расшитых цветами рукавов. Странного покроя платья, похожие на халаты с запахом, длиной до середины бедра и широкие шаровары. Обуты иноземцы были в мягкие теплые сапоги, тоже расшитые какими-то узорами. Ясно, что незнакомцы откуда-то с юго-востока, но это все, что могла сообщить логика. Подобных серокожих ему еще не доводилось встречать.

Заметив внимание, самый высокий чужак широко улыбнулся, сверкнул неестественно белыми на фоне серой кожи зубами и приветственно поднял руку.

– Господин! Прошу помощь вам!

Мерино не сразу сообразил, что иноземец не предлагает помощь, а просит о ней. Просто не очень хорошо владеет сегером. Да еще и путает местоимения. Улыбнувшись в ответ, Мерино в три широких шага приблизился к серокожим.

– Мерино Лик, трактирщик, – тщательно выговаривая слова, представился он. Чуть склонил голову, поскольку не знал, с каким сословием имеет дело. – Буду рад помочь.

Ему было безумно интересно узнать, кто эти люди.

Серокожие посмотрели на него, не меняя выражения лиц, явно не понимая ни слова, а вот высокий после его приветствия радостно вскинул руки.

---

¹⁴ Грандукесса – Великая герцогиня.

– Жайла Цаарил! Вы потерять путь! Мы помогать вам?

Мысленно переведя реплику: «Мы потерялись! Вы поможете нам?» – и додумав, что этот самый Цаарил был божеством чужака, которого тот сейчас благодарил за равнодушного местного жителя, Мерино кивнул.

– Очень постараюсь. А куда вы шли?

– О! Вы смотреть наш город! Просто шли, найло Цаарил! Потом смотреть – не видеть назад! Толмач быть, потом нет быть!

Серокожий старательно выговаривал слова чужого для него языка, но все равно получалась полная тарабарщина.

– Кто вы такие? – спросил Мерино, решив для начала выяснить самое главное. Подумал и слегка упрямился: – Откуда вы? Какая страна?

Иноземец выслушал, кивнул, дескать, понял и стал медленно, сопровождая слова жестами, говорить.

– Вы цурандари.

Серая рука указала на собственную грудь.

– Такой народ. Далеко!

Руку взлетела и указала куда-то на восток.

– Очень плыть много. Владыка ваш послы!

И выжидательный взгляд на трактирщика.

«Так, понятно. Какие-то цурандари, с востока. Послы... Торговые послы? Вряд ли. Владыка какой-то их послал. Значит, в Инверино. Но как послы с Востока оказались здесь одни и без толмача?»

В свою очередь кивнув, Мерино стал говорить, старательно сдерживая смех, до того нелепо звучала его речь:

– Правитель наша страна ехать вы?

И рукой указал на троицу чужаков.

– Так! – радостно воскликнул здоровяк. – Так! Наша страна правитель!

– Я, – касание ладонью своей груди, – вас вести правитель. Вы – идти за мной.

– Жайла Цаарил! – с совершенно понятным облегчением выдохнул его собеседник.

Повернулся к своим спутникам, выдал совершенно птичью фразу и вновь обратил взгляд на Мерино.

– Вы готовы! Благодарность много вы быть!

Скрывая в бороде улыбку, трактирщик направился к замку, стараясь боковым зрением следить за послами. Те, однако, и не думали отставать, прилепившись к Мерино, словно утята, идущие за кряквой.

У навсегда опущенного подъемного моста стоял знакомый синьору Лику стражник. Лишь на секунду прикрыв глаза, он вытащил из памяти его имя – Джано. Средний сын портнихи из Липового тупичка, неподалеку от Ольховой. Считай, соседи! Приветливо улыбнувшись молодому человеку в кирасе поверх теплого полушубка, Мерино указал рукой на следующих за ним иностранцев.

– Здравствуй, Джано! Вы тут послов иноземных не теряли?

Стражник непонимающе посмотрел сперва на трактирщика, затем на серокожих иноземцев за его спиной. После чего в его голове, видимо, сошлись какие-то факты, и он выдал:

– Ох!..

– То есть теряли?

– Синьор Лик, вы?.. Как?.. – вскричал стражник, когда к нему вернулся дар речи. После чего, не дожидаясь ответа, бросился к караулке, крича:

– Массимо! Массимо, свин такой! Бегом к барону да Бронзино, доложи, что послов нашли!

И лишь после того, как напарник стражника, гремя амуницией, вылетел из караулки и бросился в открытый зев воротной башни, вернулся к Мерино и стоящим рядом с ним серокожим.

– Где вы их нашли, синьор Лик? – спросил он уже немного спокойнее.

– А матушка не учила тебя здороваться? – хмыкнул Мерино в ответ и, как только стражник начал бормотать извинения, вскинул руки: – Да я все понимаю, сынок! Все нормально! Гуляли ваши послы по старому городу, да и заблудились, что в целом совершенно неудивительно! Вот что действительно удивляет – кто же их выпустил из замка без сопровождения и переводчика? Это же совсем без головы надо быть! Мало ли что могло случиться!

Стражник не успел ничего ответить, да и вряд ли смог бы. Ну что мог знать обычный гарнизонный вояка, стоящий на посту? Только то, что у начальства паника и все ищут каких-то послов.

Грохоча сапогами по мосту, из замка выбежал дворянин. Уже немолодой мужчина с непокрытой головой и распахнутом джуббоне. Резко остановился напротив Мерино, выдохнул:

– Вы?

Мерино лишь развел руками, подтверждая этот очевидный факт, и иронично улыбнулся. С начальником городской стражи бароном да Бронзино у него были несколько натянутые отношения, а потому пенять за невежливость, как с Джано, вряд ли стоило.

– Вот, нашел ваших потерявшихся послов.

Да Бронзино на миг сморщился, но тут же лицо его озарила улыбка – явление столь чуждое на грубом лице старого солдата, что могло напугать человека неподготовленного. Разумеется, она была обращена не к какому-то там трактирщику, а к иноземцам, которых тот привез.

– Господа! Прошу следовать за мной! Это ужасное недоразумение!

Барон совершенно не учитывал тот факт, что серокожие, вернее, один из них, на сегере говорили не очень хорошо, и быстрая фраза, не подкреплённая жестами, осталась для них непонятной. Пришлось Мерино вмешаться и, сопровождая слова движениями рук, пояснить:

– Идти этот господин! Все теперь хорошо!

Посол приложил руки к груди и поклонился трактирщику.

– Мы так помогать вам! Хотел благодарность как?

Кося глазом на ошалевшего да Бронзино, синьор Лик не смог отказать себе в небольшой шпильке в адрес солдафона. И ответил послу, старательно коверкая слова на понятный тому манер.

– Нет ничего благодарность! Просто помогать человек!

Просветлевший серокожий благодарно кивнул и вместе со своими спутниками отправился вслед за начальником городской стражи. Мерино дождался, пока все скроются за воротами, и, раз возникла такая оказия, спросил у стражника, в замке ли барон да Гора. Получив утвердительный ответ, трактирщик поблагодарил Джано и уверенно направился искать своего воспитанника. Во-первых, решил он, стоит спросить у Бенито про послов – кто такие, откуда и зачем прибыли, а синьор Бронзино вряд ли захотел бы отвечать на вопросы владельца остерии – не по чину. Ну и во-вторых, наконец обговорить с кансильером коронного сыска то, что откладывалось уже больше месяца.

Замок Инверино был полон людей и бестолковой суеты. В узких каменных коридорах, когда-то созданных для того, чтобы максимально осложнить продвижение ворвавшихся в замок врагов, безостановочно бегали взад-вперед, сталкиваясь, ругаясь, роняя кипы бумаг и какой-то утвари, люди, его населяющие. В основном лакеи и клерки, эти настоящие солдаты невидимой войны. Ведь просвещенному человеку известно, что в современном обществе войны ведут преимущественно гусиными перьями и чернилами, а не мечами, копьями и даже не мушкетами с пушками.

Вся эта разношерстная братия (под разношерстной стоит понимать разнообразие фасонов и расцветок униформы, которую, видимо, никак не могли привести к единообразию) столь плотно заполонила внутренние переходы замка своими телами, словами, запахами и бурлящими эмоциями, что вошедший под серые своды синьор Лик на секунду впал в ступор, не решаясь идти дальше. Будь поблизости скульптор, он сказал бы, что лучше модели для создания памятника «Пророк Кипага в момент Явления» ему не найти. Ну разве что одежду подбирать по эпохе. Скульптора, однако, не было, да и оторопь оставила мужчину весьма быстро.

Его удивление творящимся в замке бедламом было вполне оправдано. Инверино, хоть и являлся центром бюрократической машины Фрейвелинга, все же обычно оставался местом тихим, спокойным и чинным. И тут вдруг такое столпотворение!

Растерянность его прошла довольно быстро. Оглядевшись по сторонам, он вычленил из толпы одного из лакеев, указал на него наверху трости и громко позвал:

– Милейший!

Раз уж надел свой прогулочный джуббоне, делавший его похожим на состоятельного купца, то отчего бы и не позволить себе властный и вальяжный тон?

Лакей моментально натянул на лицо улыбку (без привычки это делать вышло у него ужасно! Видимо, недавний деревенский житель, устроенный в замковые слуги через хлопоты родни), приблизился к мужчине и вопросительно вскинул брови.

– Что тут происходит? – поинтересовался Мерино.

Тот посмотрел на важного господина с тростью с некоторым сомнением, но – можно привезти селянина в город, но село из него никуда не денется – решил-таки посплетничать.

– Так-ить Совет завтра, ваша милость!

«Ого, он меня за дворянина принял?»

– Вот готовимся, так-то вот! Понаедет народу, почитай, со всего свету, а все ж благородные, всем же с обхождением надоть! А мы-то, выходит...

Слугу прервали так резко и грубо, что бедняга даже вздрогнул от неожиданности.

– Алезо! Твою же мать, проклятый лентяй! Какого рожна ты тут торчишь, когда я жду тебя с подушками для сидений?!

Возникший из-за спины лакея старший слуга был невысок, но крепко сбит и, судя по всему, обладал внушительной физической силой. Которую не замедлил продемонстрировать, отвесив лентяю затрепину, да такую увесистую, что беднягу швырнуло на пол. Тот поднялся с обиженным лицом, потирая скулу и пытаясь оправдаться.

– Так я... Господин, вон, интересоваться изволили!

– А ну бегом за подушками, к-корова! – выдохнул старший слуга, и лакея унесло ветром его гнева.

– А вы, синьор, не заслоняли бы проход, – это он уже обратился к Мерино. И тон его был куда уважительнее. Все-таки встречают по одежде, как ни крути. – А то, неровен час, какой-нить остолоп из дворцовых не заметит, да и зацепит. А вы кого ищете, к слову?

– Барона да Гора. У меня с ним назначена встреча. Только я не представляю, где его искать в этом... – Мерино щелкнул пальцами, подыскивая подходящее слово, и, не найдя, оставил фразу незаконченной.

– Я видел его недавно возле малой приемной залы. – Старший слуга неопределенно указал направление взмахом руки. – Позвольте, я провожу вас, синьор...

– Лик. Да, благодарю вас.

Следуя в кильватере своего провожатого, перед которым проход словно сам освобождался, синьор Лик добрался до малой приемной буквально за пару минут.

Малая приемная зала, огромная комната с высокими потолками, обилием картин и портретов на стенах и минимумом мебели (группа кресел и небольшой стол в дальнем углу), была, скорее всего, предназначена для частных и не вполне формальных мероприятий. Бесед, балов,

попоек, или чем развлекаются владельцы, когда не ведут войн. Несмотря на приставку «малая» была она не меньше, чем обеденная зала постоянного двора. У входа, сразу за открытыми дверями в приемную, стояли два человека: сам барон да Гора, щеголеватый молодой человек в одежде серых цветов, и его собеседник – барон да Бронзино. Синьор Лик чуть замедлил шаг, видя, что начальник стражи собирается покинуть общество кансильера коронной стражи, встречаться с ним снова ему не хотелось.

– Вижу, благодарю! – негромко произнес он своему провожатому. – Без вас бы и не нашел.

Старший слуга с достоинством поклонился и отправился по своим делам, а Мерино остановился, дожидаясь ухода да Бронзино. Тот, наконец, закончил говорить и, кивнув Бенедикту, покинул его. Трактирщик тут же приблизился к оставшемуся в одиночестве воспитаннику.

– Ваша милость? – вкрадчиво проговорил он.

Барон да Гора величественно повернулся на голос. На лице молодого аристократа восковой маской застыло выражение высокомерия пополам со скукой. Которая сохранилась в нетроутости, когда он узнал наставника.

– Синьор Лик? – протянул барон с ленцой. – Что вы здесь делаете?

Вопрос был задан без интереса, исключительно из вежливости.

– Ваша милость! Я встретил на рынке иноземцев! Они оказались послами, потерявшимися на улицах старого города. Вот я и привел их сюда.

– И, вероятно, рассчитываете на награду? Что ж! Идите за мной, синьор Лик.

И воплощение высокомерия, снобизма и скуки развернулось на каблуках и направилось прочь от малой залы. Не планируя проверять, идет ли за ним трактирщик или нет.

Мерино, шагая за Бенедиктом, внутренне посмеивался, но на лице хранил подобающее случаю серьезное выражение. «Никому никогда ничего не показывай!» – один из самых важных уроков, который он дал сыну шефа Тайной стражи много лет назад, был выучен на отлично и отточен многократным применением. Как тут не испытывать чуть ли не отцовскую гордость?!

– Что случилось, Мерино? – спросил Бенедикт, как только дверь его рабочего кабинета закрылась за спиной трактирщика.

– Да, в общем-то, ничего, – тот пожал протянутую руку, второй приобняв воспитанника и пару раз хлопнул его по спине. – Но я правда нашел ваших потерянных послов и привел их в Инверино! Какого демона они у тебя бродят без переводчика и охраны по старому городу?

– Ох, только ты не начинай! – Бенедикт снял шляпу и со злостью кинул ее на заваленный бумагами стол. – Тут последнюю пару дней такой бордель творится, что не удивился бы, встретить ты на улице потерявшуюся грандукессу! Садись уже, не маячь! Вино?

– Днем?

– Ты же трактирщик!

– Значит пьяница?

– Разве нет?

– Уже нет!

– Какой скучный! Разведи водой!

Бывший воспитанник и наставник в последнее время виделись все реже и реже: у одного были государственные дела и тайны, а у второго появилась личная жизнь. Но разговор они вели по-прежнему, будто и не расставались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.